

Ж 186

Искорка

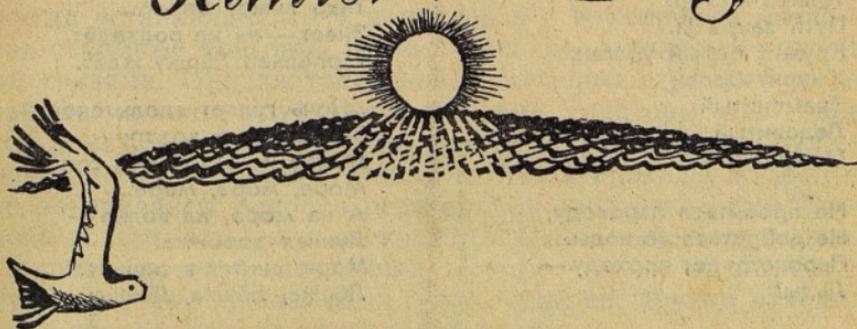
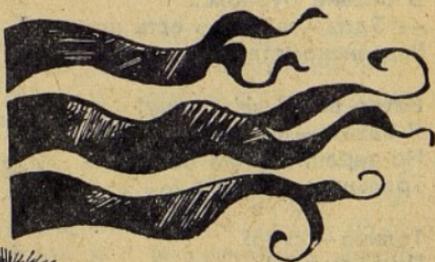
газеты
«Правда» -
отдел
Ленинградского
Обкома и
Боркома и
В.И.С.М.,
Ленинградского
Совета
пионерской
организации
имени
В.И.Ленина

Вольт СУСЛОВ

ИЮЛЬ ● 1969

год издания XIII

Где
кончается
земля

Где кончается земля —
Она там не кончается.
Дальше — путь для корабля,
Море начинается.

Утром рано-рано-рано,
Чуть рассеется туман,
Выплывает из тумана
Путь-дорога в океан.

Волны дыбятся вдали,
Катятся лавины:
— Эй вы, где вы, корабли?
Ну-ка, к нам на спины!

Маяки далёких стран
Вам светить готовы!
Что ж ты медлишь, капитан?
Отдавай швартовы!

...Капитан не на волне.
Капитан — на валуне.
Провожает он отлив
И прилив встречает,
Примечает, как залив,
Паруса качает.

«Погоди немножко, —
Шепчет морю Лёшка. —
Ждать осталось — ерунда.
Ну, совсем немного!

ОБЛАСТНАЯ
ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
им. А. С. ПУШКИНА
г. Саратов

И тогда — давай сюда
В океан дорогу!
Прокричу гудком в ночи:
— До свиданья, ма-ма! —
И уйду — ищи-свищи! —
К горизонту прямо!»

Дали только бы штурвал
Подержать минутку!..
В качку б он не подкачал!
В дрейф не сдрейфит! Дудки!

След печатает корма
В океане бурном...
— Здравсьте! Вы и есть шторма?
Рад знакомству — штурман!

Ветер воеет: «Не пущу!
Я назад — ни шагу!»
Но таранит лбом волну
Тральщик-работяга.

Только — стоп!
Пути закрыты.
Кружит белый ураган.
Хмурит брови
Знаменитый
Ледовитый
Океан.

Не пробиться пароходу,
Не добраться до воды.
Пароходу нет проходу —
Льды!

Смотрят с мачты вдаль матросы:
Где ты, добрая земля?
Всё торосы, да торосы,
Да ледовые поля...

В порт летит радиограмма:
«Затирает крупный лёд».
И немедля к Лёшке прямо
Курс берёт атомоход.

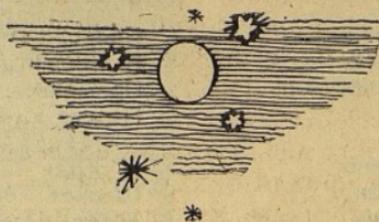
По торосам! По торосам!
Давит!
Крошит!
Режет носом!

От торосов — крошка!
Выбирайся, Лёшка!

...А волна стучит в валун,
Мокрой пудрой дышит.
Лёшка шепчет: «Не балуй!»
Море Лёшку слышит.
Море Лёшке верит.
Тихо лижет берег...
Знает — он не подведёт.
Герпеливо Лёшку ждёт.

...Ночь гуляет вдоль окон.
Звёздочки в дозоре.
Лёшке ночью снится сон:
Море, море, море...
А на море, на волне —
Лунная дорожка.
Морю снится в тишине:
Лёшка, Лёшка, Лёшка...

Рис. Ю. Бочкарёва

БУИ НЕСВЕТАЩИЙ

«Как вы смеете обижать папу?» — хотел крикнуть Вася на Вяльцева, но под строгим взглядом отца остановился. Но почему? Почему папа разрешает так с собой разговаривать?

...Отец служил в порту. Бакенщиком. Вася часто бывал у него. Проскальзывал незаметно в широкие, настежь распахнутые ворота порта и бежал к высокому просторному сараю с белой крышей из оцинкованного железа. По пути он всегда останавливался у причалов и с изумлением смотрел, как огромные портовые краны ловко управлялись с тяжёлыми грузами. Они хватали своими клювами-стрелами упакованные машины, опутанные стропами тракторы или вездеходы, медленно поднимали в воздух и, не торопясь, важно опускали их в глубокие тёмные трюмы. Пароходы, добродушно покачиваясь, покорно подставляли свои бездонные чрева, пока поверхность воды не коснётся белой полоски на крутых высоких бортах — ватерлинии. Потом трюмы закрывали, и пароходы, дав прощальные гудки, один за другим отходили от причалов, вспенивая за собой воду.

Сегодня он прибежал как раз в тот момент, когда к сараю подкатил запылённый, пропахший бензином самосвал. Отец — высокий, широкоплечий, с неизменной доброй улыбкой на лице — грузил с шофёром Федей разный металлический хлам: ржавые буй, погнутые вешки, голяки, похожие на обтрёпанные берёзовые веники. Кузов самосвала набили до отказа. И когда осталось взвалить последний груз — ржавый, помятый, как консервная банка, буюк, — откуда-то появился начальник портовой части Вяльцев и накинулся на отца:

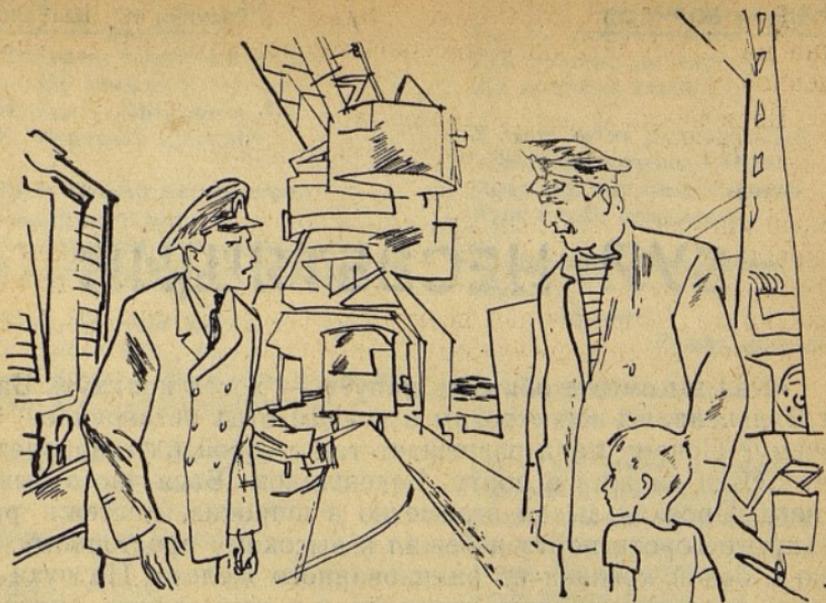
— Николай Тихонович, что это такое? — Он указал рукой на буюк.

Отец молча пожал плечами.

— Нет, вы мне скажите, что это такое? — приставал Вяльцев. — Сколько лет я спрашивал вас про этот буюк, а что вы мне отвечали?

— Запропастился куда-то, — улыбаясь ответил отец.

— А каким же образом вы отыскивали его сегодня?

— Очень просто. Пришла развёрстка на утиль, стал разбирать своё хозяйство и обнаружил.

— Так вы хотите отправить его в утиль?

— Совершенно точно, в утиль.

— Да вы что, Николай Тихонович, в своём ли уме? Подумайте, что вы говорите?

— А что ж тут думать — в утиль да и всё!

— Буёк оставить в сарае! — начальственным тоном сказал Вяльцев. — А что касается его дальнейшей судьбы, то это я решу сегодня же, сейчас же, сию минуту!

Вот тут-то Вася и хотел вмешаться в разговор, но остепенился, поймав на себе взгляд отца. О, Вася хорошо знал этот молчаливый, проникающий взгляд. Нет, нет, в нём не было ни злости, ни суровости, ни мимолётного холодка. Он грел своей добротой и ободрял какой-то особенной сердечностью. В этом взгляде раскрывался весь характер отца. И Васе казалось, что Вяльцев хотел воспользоваться чрезмерной добротой отца и его молчаливостью, почему и накричал на него и теперь возбуждённо шагает к красному кирпичному зданию — управлению порта, жаловаться, наверно, вздумал, хотя его никто не обидел, отец даже слова не вымолвил и молча посмотрел ему вслед, и к буйку, из-за которого загорелся сыр-бор, отнёсся с почтением. Потрепав по плечу шофёра Федю и отправив самосвал, он осторожно поставил буёк на тележку и молча отвёз в сарай.

В сарае было полутемно. Только в углу из большого окна на широкий стол с массивными ножками падал яркий дневной свет.

Вася никак не мог отделаться от чувства обиды.

— Пап, а почему он на тебя накричал?

Мимо прогромыхала автомашина. Висевший на стене белый ящичек с красным крестом вздрогнул, и дверца у него открылась. Отец захлопнул дверцу и сел за стол, накрытый по всей длине и ширине стеклом, под которым лежала морская карта, испещрённая всевозможными чёрточками и кружочками — топографическими знаками.

— Откуда ты взял, что Вяльцев со мною грубо говорил? — улыбаясь, спросил отец. — Тебе всё показалось. Я ведь не из тех, кого запросто обидеть можно. Постоять за себя могу.

Вася понемногу успокоился. Действительно, отец такой большой и сильный и бояться за него нечего. Но теперь Васю распирало любопытство. Если сравнить этот ржавый буёк с остальными, отправленными в утиль, то выглядел он более непригодным. На дно самосвала уложили три светящих буя, не столь обшарпанных и помятых. Отправили и два буя-ревуна, тоже совершенно негодных, но зато когда-то издававших предостерегающие звуки: «Ууу! Ууу!» Буй же несветящий никогда не пел, не мигал загадочным огоньком, да и устроен совсем просто, вроде пожарного ведра с острым дном, закрытый и заваренный со всех сторон, и с таким же, как у всех, тяжёлым кольцом для якорной цепи. Правда, буй всех типов — несветящие или которые светили или ревели — все несли одинаково важную службу: они указывали кораблям пути подхода, оберегали их от мелей и подводных скал.

— А почему Вяльцев не разрешил сдать этот буёк?

Отец пригладил сыну вихор на затылке и посмотрел на буёк. Он стоял на металлической тележке недалеко от входной двери. Огромный солнечный квадрат медленно полз по холодному цементному полу, подбираясь к тележке с буйком.

— Видишь ли, сын, этот буёк не совсем обычный. — Голос у отца задумчивый, проникновенный. — Вокруг него и вместе с ним проходили разные события — и малые, и большие. И если бы буёк мог говорить — о многом он поведал бы.

Вася слушал отца и улыбался: о железном буйке он говорил, как о ком-то живом, ну вроде бы о маленьком пушистом котёнке или о ершистом щенке с глазами-пуговками.

Оказывается, буёк этот стоял у мели, далеко от берегов, и в холодные зимние дни мог мёрзнуть от стужи и ледяного ветра и даже страдал от несправедливости мелкосидящих катеров и лодок, долбивших его своими тупыми форштевнями,

выказывая полное неуважение и к его судьбе и к глубинам моря. Буёк за свой долгий век «видел» и «перестрадал» много. Не прошла мимо него и война с немецкими фашистами. Отец вспомнил и о себе: как он, идя по морю на катере, попал под бомбёжку и потом плыл целых восемнадцать часов, пока, совершенно обессиленный, не достиг берега.

— Впрочем, что это я о себе? — спохватился отец. — Если бы ты знал, Вася, — продолжал отец, — что произошло однажды с этим буйком...

Вася давно так не смеялся. На буёк он теперь смотрел с каким-то обожанием, ему даже казалось, что и железная тележка вместе с ним качается и трясётся от смеха. Да разве может кто остаться равнодушным, услыша нечто подобное?

...Произошло это ранним утром, когда на горизонте, затянутом тучами, блеснула багровая полоса рассвета. Фашистский корабль, прячась среди высоких волн, крался к советскому рыбацкому посёлку, дремлющему в пустой прибрежной синеве. Но разбойник, даже хорошо вооружённый, всегда со страхом думает о неожиданном сопротивлении. Капитан фашистского корабля стоял в бронированной рубке и в морской бинокль рассматривал рыбацьи домики. Правая рука его цепко держала рукоятку машинного телеграфа, в любой момент готовая перевести её на чёрную надпись «полный назад». Вдруг вахтенный матрос, стоявший на баке, истощным голосом заорал:

«Справа по борту — плавающая мина!»

По приказу капитана артиллеристы открыли огонь по обнаруженной цели. Корабль задрожал, исторгая из себя языки пламени и устрашающий грохот. В небо взвились фонтаны воды. Рукоятка машинного телеграфа скользнула к надписи «полный назад», и пират скрылся в предрассветных сумерках. Но обстрелянная цель по-прежнему покачивалась на волнах. Это был всего-навсего буёк. Незадолго перед этим в море пронёсся шторм. Со дна поднялись водоросли, опутали буёк и сделали его похожим на плавающую мину.

— Это произошло вот здесь, — сказал отец и ткнул пальцем в красный кружочек на карте.

— Дальше, дальше, — еле переводя дыхание, просил Вася.

— И удивительнее всего, Вася, что в буёк не было ни одного попадания. И пули, и осколки снарядов только царапали его и скользили, как по маслу. Если бы его изрешетили, пошёл бы он ко дну, как самое что ни на есть обычное живое существо.

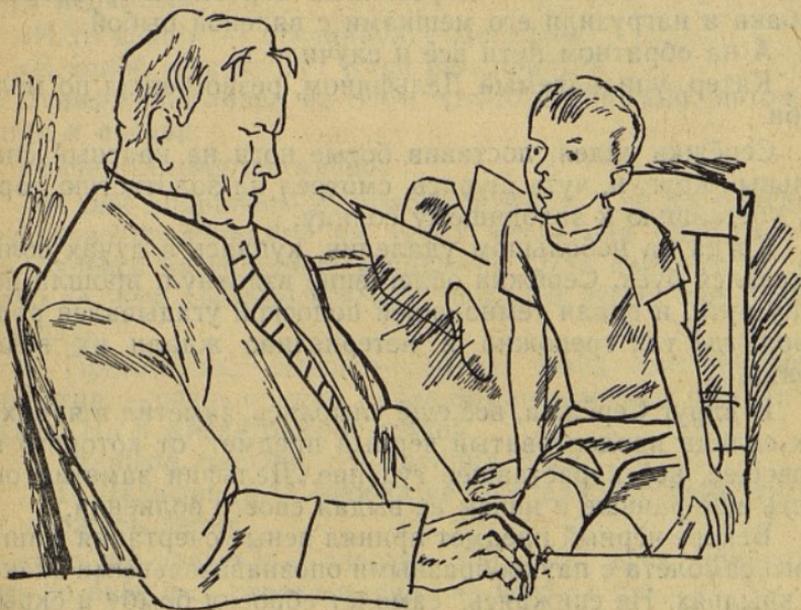
Яркий солнечный квадрат переполз с пола на буёк. Сколько же на нём вмятин и царапин — не сосчитать! Васе

хотелось подбежать к буйку, потрогать его поржавевшие раны, но в это время чья-то тень перекрыла буйк и исчезла. «Неужели вернулся Вяльцев?» — с испугом подумал Вася, боясь двинуться с места. Но это был не Вяльцев. Мимо проходил портовый рабочий в жёсткой брезентовой робе, заглянул в сарай, крикнул весело:

— Николаю Тихонычу — привет! — и исчез.

Отец ничего не видел и не слышал: он весь ушёл в воспоминания.

— В жизни буйка есть ещё одна страница. — Отец тяжело вздохнул. — Очень печальная страница.

...В самый разгар войны линия фронта проходила неподалёку от города. Днём и ночью не стихала артиллерийская перестрелка, дрожали каменные здания, сыпались из окон стёкла. Фашисты стремились захватить порт, но сделать это им так и не удалось, — натолкнулись на яростное сопротивление и перешли к обороне. Зато начали простреливать любой квадрат моря, не давая подвозить к городу боеприпасы и продовольствие. В городе не хватало хлеба, мяса, сахара. Достать немного продуктов можно было на той стороне залива, в рыбацком посёлке. Однако дорога туда была небезопасна: по морю шныряли фашистские корабли, а в небе частенько появлялись их самолёты. Только временами, в периоды за-

тишь на фронте, некоторым катерам и моторным лодкам удавалось невредимыми пробираться в далёкий посёлок.

В один из таких дней, когда почти совсем стихла артиллерийская канонада, в рыбацкий посёлок на небольшом катере отправился молодой портовый матрос по прозвищу Дельфин. Это имя он получил потому, что умел хорошо плавать. Вместе с ним увязался худенький щупленький мальчонка с большими серыми глазами — Серёжка. Собственно, даже не увязался. Дельфину нужен был помощник-швартовый. А Серёжка легко управлялся с многочисленными швартовыми концами.

В посёлок, раскинутый на берегу залива, пришли безо всяких приключений. У деревянных пирсов катер встретили рыбаки и нагрузили его мешками с вяленой рыбой.

А на обратном пути всё и случилось.

Катер, управляемый Дельфином, резво бежал по мелкой зыби.

Серёжка сидел, поставив босые ноги на красный спасательный круг, и, чуть шурясь, смотрел на золотистую дорожку, убегавшую к заходящему солнцу.

Когда на небольшом удалении, купаясь в лучах солнца, показался буёк, Серёжка облегчённо вздохнул: прошли половину пути, и вдали тёмно-синей полоской угадывался родной город, где так тревожно и нетерпеливо ждали их возвращения.

И вдруг Серёжка, всё ещё улыбаясь, заметил в ярких лучах солнца продолговатый чёрный предмет, от которого шло зловещее, всё нарастающее гудение. Дельфин заметил опасность ещё раньше и ничем не выдал своего волнения.

Вскоре чёрный предмет принял ясные очертания фашистского самолёта с паукообразными опознавательными знаками на крыльях. Не снижаясь, самолёт сбросил бомбу и скрылся в том же направлении, откуда появился.

Серёжка услышал, как где-то совсем рядом шлёпнулась, а потом разорвалась бомба. В небо взметнулись высокие столбы воды. Катер резко качнуло и отбросило в сторону, он накренился и быстро погрузился в воду: взрывной волной ему разворотило весь борт.

Серёжка не мог понять — сам ли он выпрыгнул, или его выкинуло взрывом, но пришёл в себя он только в воде. Неподалёку от него показалась мокрая голова Дельфина.

«Ты жив, парень?» — спросил он Серёжку.

«Жив!» — дрожащим голосом ответил Серёжка.

Дельфин неожиданно скрылся под водой и долго не показывался. Это так напугало Серёжку, что он и сам чуть не пошёл ко дну. Наконец, фыркающая и отплёвывающаяся, Дельфин вынырнул. Потом он снова нырял и выныривал.

«Не достать! — глухо сказал Дельфин. — Да и устал я, смертельно устал».

Лицо у него было бледное, без единой кровинки, по щекам стекали струйки воды.

Серёжка подумал, что Дельфин нырял за рыбой, потонувшей вместе с катером, но он ошибался, — Дельфин хотел достать спасательный круг.

«Без него нам будет очень плохо», — охрипшим голосом сказал Дельфин.

На поверхности моря торчали всего две головы, освещённые солнцем.

«Дяденька, а буёк! — звонко воскликнул Серёжка. — Он где-то недалеко».

«И то дело!» — откликнулся Дельфин.

«В какой он стороне? Куда нам плыть?»

Дельфин поглядел на небо, что-то соображая, потом на солнце и сказал:

«Знаю. Плыви за мной».

Так они добрались до красного буйка. Он добродушно, приветливо покачивался на тихих всплесках. Доплыли до него, надеясь на спасение, а надежда была призрачной: как только за него хватались четыре руки, он сразу же уходил под воду.

— Понимаешь, сынок, — слышал Вася взволнованный голос отца, — очень обидно, когда обманываешься в своих надеждах. Но в жизни бывает всякое.

— Дальше, дальше, — заторопил Вася.

...Ни Дельфин, ни Серёжка не ожидали, что буёк не сможет держать двоих.

«Что же делать?» — спросил Серёжка, едва придерживаясь за буёк и со страхом глядя на него.

«Будем отдыхать по очереди, — ответил Дельфин. — А потом решим, что делать. Надо немножко прийти в себя...»

Несчастные пловцы, как и решили, отдыхали по очереди. То Дельфин ухватится за буёк и отдыхает, а Серёжка плавает рядом, то Серёжка прильнёт к прохладному железу и смотрит, как Дельфин лежит на спине, выставив из воды нос и подбородок.

Через некоторое время Серёжка заметил какую-то перемену в лице и глазах своего старшего товарища: он старался не встречаться взглядами с Серёжкой и отчуждённо смотрел в сторону. Небритый, с заросшими щеками и подбородком, Дельфин казался злым.

Солнце стояло у самого горизонта, рассыпав по всему морю весёлые оранжевые блики. С берега дохнул вечерний бриз и зашевелил, взъерошил гладкую поверхность.

«Дяденька, наверное, уже моя очередь?» — простонал Серёжка, умоляюще глядя на Дельфина, отдохавшего на буйке.

«Устал, что ли?» — недовольно спросил Дельфин.

«Очень устал».

«Тогда отдохай!» — и Дельфин нехотя соскользнул с буйка в воду.

Серёжка всем телом прижался к буйку и задрожал — то ли от усталости, то ли от страха. Не нравилось ему, что Дельфин как-то натянуто улыбался. И ещё заметил Серёжка: Дельфин не уступал ему место сам, а всё ждал, когда он попросит об этом. Выходило так, что Дельфин отдыхал больше, чем его маленький товарищ по несчастью.

Надвигались сумерки. Краешек блестящего диска последний раз осветил водную поверхность, изборождённую вечерней прохладой, и скрылся, оставив на небе тревожное оранжевое зарево.

Приближение ночи вселяло в Серёжку всё нараставшее беспокойство, и он решился на отчаянный поступок.

«Знаете что, дяденька, — сказал он Дельфину, — давайте тянуть жребий, кому на буйке оставаться и ждать помощи, а кому плыть к берегу».

Он поймал на воде тонкую палочку, переломил её на две неравные части и зажал в кулак.

«Кому достанется большая палочка — тому на буйке оставаться! Тяните!»

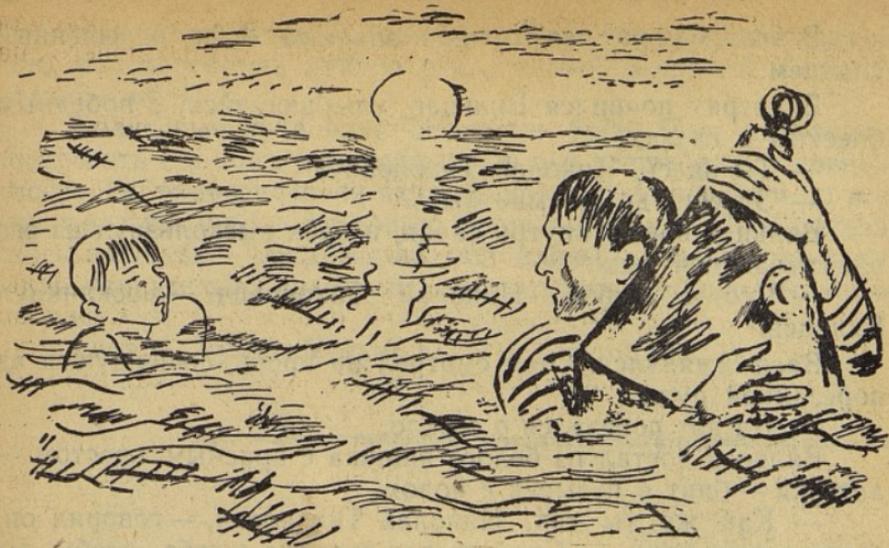
Дельфин отдыхал на буйке. Перед ним из воды торчала посиневшая детская рука. Серёжка как упал в воду в коротких штанишках и в ситцевой рубашке, так и оставался в них. Только выгоревшая голубая рубашка вся изодралась, обнажив костлявое тельце.

— Слабый был парнишка, щупленький, — продолжал свой рассказ отец, — а вот откуда у него столько смелости взялось — не пойму. Предложить человеку, во много раз сильнее его, тянуть жребий, как равному, — для этого нужна смелость. Больше того — вызов неизвестному. Море было совершенно пустынным, надеяться и ждать помощи было неоткуда. Берега скрывались где-то за потускневшим горизонтом, плыть к ним редко кто осмелился бы. Для этого нужны были дерзость, презрение к любой опасности и такое же отчаяние, какое охватило маленького Серёжку.

— А что Дельфин? — не выдержав, спросил Вася.

— Что Дельфин? — переспросил отец. — Дельфин — ничего, он улыбнулся и весело сказал: «Раз такое дело — давай тянуть жребий. Хочу испытать судьбу — есть в ней справедливость или нет».

Поглядев на свою палочку и сравнив её с той, что лежа-

ла на ладони у Серёжки, Дельфин рассмеялся — дико, громко, безрассудно. Серёжка ухватился обеими руками за буйёк и прижался к нему.

Вечерний бриз начертал на бугристой поверхности моря свои замысловатые узоры и завыл тоненьким голоском.

Дельфин отбросил свою палочку прочь и заговорил, чуть придерживаясь за буйёк:

«Нет, парень, в судьбу верить нельзя, нет в ней справедливости. Не такого исхода ждал я от жеребьёвки. Ну, да что там ждать от судьбы, она и так жестоко посмеялась над нами. Прости, что я тебя поволноваться заставил, — надо было мне немного передохнуть, сил набраться перед дальней дорогой. Жизнь свою я без боя никому не отдам — ни волнам, ни фашистам».

Дельфин оттолкнулся от буйка и поплыл, сильно взмахивая руками. На его мокрой голове и полосатой тельняшке отражались оранжевые блики заката. Страх перед неизвестностью придавал ему силы. Но сильнее этого страха его подхлестывали отчаянные крики Серёжки:

«Куда вы, дяденька?! Вернитесь! Вы же выиграли!..»

— Да, сынок! — шумно вздохнул отец. — Если бы буйёк мог плакать, он разрыдался бы. Каким испытаниям подверглись два человеческих сердца!

Отец хлопнул ладонью по столу. Стекло, прикрывавшее карту, звякнуло, раскололось на мелкие кусочки. Отец отдернул руку, а Вася невольно отбежал в сторону.

В этот момент чья-то тень закрыла буёк, освещённый солнцем.

В дверях появился Вяльцев, улыбающийся, с победным блеском в глазах.

— Ты здесь, Николай Тихонович?

— Здесь. Где же мне быть?

Вяльцев вошёл внутрь сарая, и буёк выскользнул из его охватывающей тени.

— Что с тобой, Николай Тихонович? — воскликнул Вяльцев.

Вася оглянулся. Отец смотрел на кровь, сочившуюся из порезанной руки.

— Да вот порезался о стекло.

Вяльцев достал из белого ящичка с красным крестом — аптечки — бинт и пузырёк с йодом.

— Как же ты так, Николай Тихонович, — говорил он, перевязывая рану. — Сколько раз твердил я тебе, чтобы ты заменил хрупкое стекло органическим. Всё некогда и некогда. Завтра я сам принесу органическое стекло и накрою твой стол. Ишь как порезался. Обязательно сходи к врачу. А вдруг в ранке остались мелкие стёклышки?..

Вася почувствовал сильный запах йода, который настойчиво и легко смешался с таким же запахом моря, идущим от всего отцовского хозяйства — буёв и вешек, расставленных у стен сарая.

— Одним словом, Николай Тихонович, — слышал Вася голос Вяльцева, — по решению портового комитета буёк этот будет поставлен на постаменте как памятник.

— За что же ему такая честь?

— Есть за что! Ставят же на постаментах танки, орудия, пулемёты, как напоминание о великих сражениях, о бессмертных подвигах советских людей в годы войны с фашистами. Почему же и буйку не стоять? Пусть он напоминает о подвиге, совершённом бесстрашным Дельфином.

— И храбрым Серёжкой, — тихо добавил отец.

Вася ничуть не удивился, когда заметил, что у Вяльцева — большие серые глаза. Но когда отец назвал его Серёжкой, Вася от неожиданности вздрогнул и нахмурил брови: невольно вспомнился маленький Серёжка, крепко обнявший буёк, вокруг которого с угрожающим величием плескалось море.

Лоб у Васи разгладился. По-новому предстал утренний разговор Вяльцева с отцом. Жаль, конечно, что появление Вяльцева прервало рассказ, — попробуй-ка теперь расшевели отца. Впрочем, это не так уж и важно: ведь Серёжка-то остался жив! А спасли его тёмной ночью при свете звёзд советские моряки.

Что же касается Дельфина, то Вася без труда догадался, кто мог переплыть любую реку, самый широкий залив и даже — море!

Солнечные лучи ярко освещали буёк. Васе захотелось потрогать его. Ладони ощутили тёплую шероховатую поверхность. От прикосновения якорное кольцо скрипнуло и по всему железному корпусу пошло тихое гудение. И Васе показалось, что буёк — несветящийся, молчаливый — вдруг стал излучать удивительно яркий свет и издавать предостерегающие звуки:

«Уууу!.. Уууу!.. Ууууу!..»

Алексей ЕЛЬЯНОВ

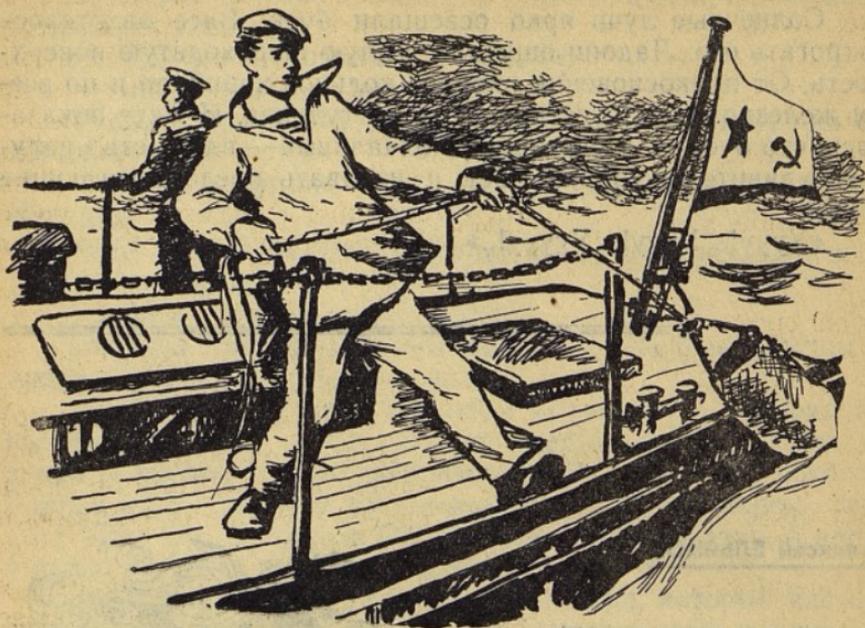
М О Р Е

Сегодня море Чёрное
Зелёное-зелёное.
На море пятна синие
От белых облаков.
Такое нелюдимое,
Такое затаённое,
Такое незнакомое,
Капризное — без дна.
Я по морю в кораблике
Поплыл под парусами,
За мною — мчат усадые,
Курносые дельфины.
И чайки, точно голуби,
Клюют с моих ладоней
Тугое, золочёное,
Пшеничное зерно.
Я деду бородатому —
Царю морей и раковин —
Сказал:
«Гони, чего же ты?!
Мне без тебя не справиться —
Обвисли паруса».
Вздыхнул, помчался парус мой.

Уходит море в небо.
И грустно мне, и боязно:
Плыву то вдаль, то к берегу,
А сказке — нет конца.

Рисунок П. Вискова

Мушкель- колотушкель

Последний курс морского училища мы кончали в Баку. Шёл второй год войны, мы учились по двенадцать часов в сутки, сидели на чёрном хлебе и пшёнке, а вместо сахара грызли привезённые из Ирана финики. Эту страну только что переименовали, и мы по привычке называли её Персией.

Больше всего из занятий нам досаждала морская практика. Занятия по ней

вёл Воробьёв, старик, не имевший за душой, по нашему мнению, и четырёх классов средней школы.

— Для того чтобы прикрепить буксирный конец к шлюпке, должно положить на переднюю банку шланг... — медленно диктовал он.

«Должно!» — умереть, как смешно...

Мы кипели от злости. Нам, постигающим тайны высшей математики, знающим глубинные причины хитроумных ошибок гирокомпаса, казалось издевательством писать под диктовку: «Бочки с мазутом поднимают на

борт с помощью тросов и гиней...»

— Тросы бывают манильские, пеньковые и сизальские. Для того чтобы выровнять трос в гинеях, берём мушкель...

Это идёт очередной урок морпрактики.

— Мушкель — колотушкель, — с ненавистью шепчу я.

Мой сосед быстро черкает что-то на промокашке...

— Передай дальше! — бормочет он.

На промокашке стихи:

*Воробьёв на сердце льёт
мазут*

*И заводит за желудок
гини,*

*Скоро, скоро труп мой
увезут*

*И сменяют в Персии
на финик.*

— Что это у вас такое? — раздаётся громкий голос у меня над головой, и морщинистая рука ложится на промокашку.

Она несёт её по воздуху мимо самого моего носа. Воробьёв подходит к окну и, опустив со лба на нос очки в дешёвой железной оправе, читает стихи, шевеля губами.

Воробьёв был строг. Огонь двух революций и тропическое солнце дальних походов обожгли его, как кирпич. Мы слышали от него и «извольте выйти вон!» и «ракушками обросли!» и, особенно часто, «вам гусак-с!», после чего в

журнале появлялась жирная круглая двойка.

На этот раз он не говорит ничего. Он отходит к столу, для чего-то поднимает и снова опускает на нос очки, листает журнал и начинает тихо диктовать дальше. Мы не записываем за ним. В налаженном механизме урока что-то безнадёжно сломалось...

Прошло два месяца.

Мы плавали по Каспию на моторных катерах. Вместо названий они имели номера.

Наш «шестнадцатый» шёл вдоль острова Нарген. Было время приборки. Смачивали палубу.

Старшина высунулся из рубки, заметил меня, выволок из ящика парусиновое ведро с привязанной к нему верёвкой.

— Набери воды! — крикнул он.

Я подошёл к борту. Стремительный ток воды нёсся к корме. Катер шёл полным ходом. Я бросил ведро в воду и тотчас же помчался по палубе, увлекаемый верёвкой. Верёвка стала железной, она врезалась в ладони и со страшной силой тащила меня к кормовому срезу.

«Сейчас — за борт!» — подумал я.

В последний момент ведро выскочило на поверхность, совершило несколько прыжков по воздуху и, растеряв всю воду, покорилося. Когда я вытащил его, в нём было с полстакана воды.

Я оглянулся — старшина ничего не видел. Незаметно перейдя на другой борт, я бросился опрометью в каюту и, достав из рундучка тетрадь по морской практике, начал судорожно её листать. Ага, вот оно! Записано на предпоследней странице:

«Для того чтобы набрать воды, должно метнуть ведро вперёд по ходу корабля и в

тот момент, когда оно, полное и погрузившееся под воду, подойдёт к тебе, рывком вытащить за ослабевшую верёвку».

Я вылез на палубу, перешёл на тот борт, где командовал старшина, и, не торопясь, с этакой ленцой, метнул ведро, осторожно выбирая слабинку и выжидая, когда оно поравняется со мной.

Рис. В. Адаева

Марафон поневоле

Джеймс, конечно, умел плавать. Но насчёт марафона!.. Не ждал и не гадал.

Впрочем, как же это можно предположить, что ты вдруг окажешься один среди бушующих волн? А с Джеймсом так и случилось.

Танкер «Эссо Дурхем», на котором Джеймс Вильям Инглиш служил матросом, находился в тридцати милях от берегов Сицилии. Джеймс работал на палубе. Во время шторма на палубе работы хватает! Крепи то, привязывай это!.. Внезапно он поскользнулся и полетел в воду. Конечно, закричал. Но поди-ка перекричи шторм! Никто его не услышал. Танкер уходил на запад.

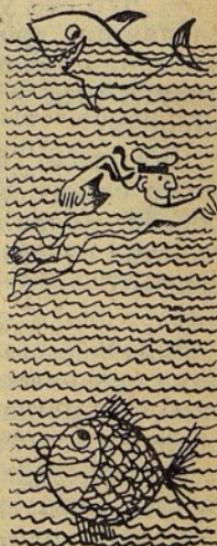
Оставалось только плыть. И Джеймс поплыл. Скинул с себя одежду. Отыскал в небе Полярную звезду. Сориентировался. Берег Сицилии был где-то близко, но где?..

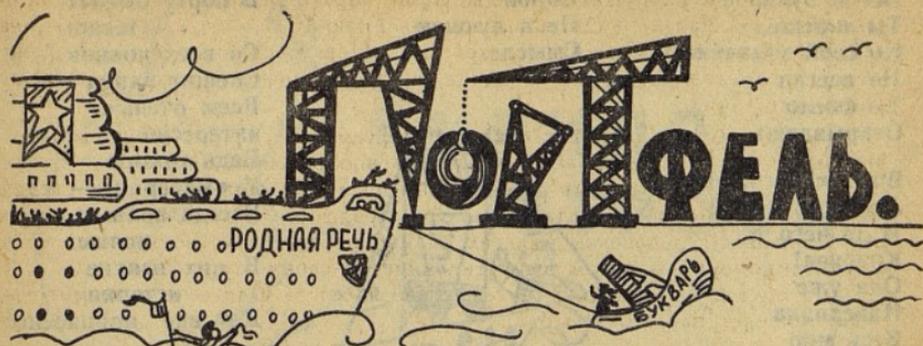
Мимо прошло несколько судов, но ни с одного из них не заметили плывущего в волнах моряка. А волны хлестали вовсю. Но Джеймс держался. Когда очень устал, он ложился на спину, отдаваясь на волю волн и течения.

Наступил день. Теперь пришлось ориентироваться по солнцу. И главное — стараться не думать о возможной встрече с акулами!..

Двадцать часов боролся моряк со Средиземным морем. Он отлично ориентировался и безошибочно плыл к Сицилии. Замёрзший, окончательно выбившийся из сил, он всё же достиг берега. Тридцать миль остались позади! Небывалый морской марафон!

Правда, Джеймс попал в госпиталь, но ненадолго.

Вот пароход
«Родная речь» —
В нём всё
Тебе знакомо.

Пришёл загадочный,
Как встарь,
Воинственный
«Задачник».

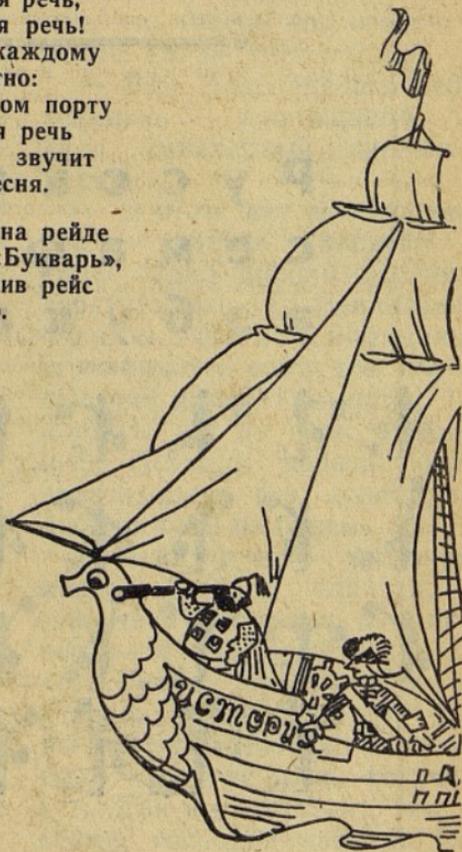
Родная речь,
Родная речь!
Ведь каждому
Известно:
В любом порту
Родная речь
Всегда звучит
Как песня.

А вот на рейде
Стал «Букварь»,
Закончив рейс
Удачно.

К нему со всех
Концов земли —
И в бури,
И в метели —
С нелёгким грузом
Корабли
Спешат,
Минуя мели.

Он очень рад,
Он очень горд,
Он их встречает
Лично.
Он — это порт,
Обычный порт,
С названием
Необычным.

Услышишь в нём
Любую речь.
Ты будешь здесь,
Как дома.

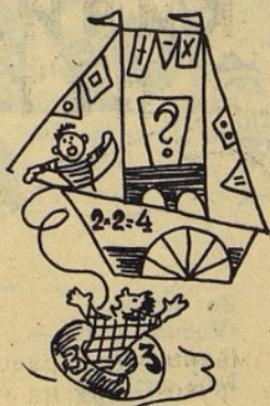

От буквы «А»
До буквы «Я»
Всё в букваре
Ты знаешь,
Но свой задачник
Не всегда
Ты смело
Открываешь.

Вот «География» —
Легка.
И до чего ж
Красива!
Она уже
Наверняка
Весь мир
Исколесила.

Сверкает
Краской голубой,
Пусть паруса
Провисли —
На ней

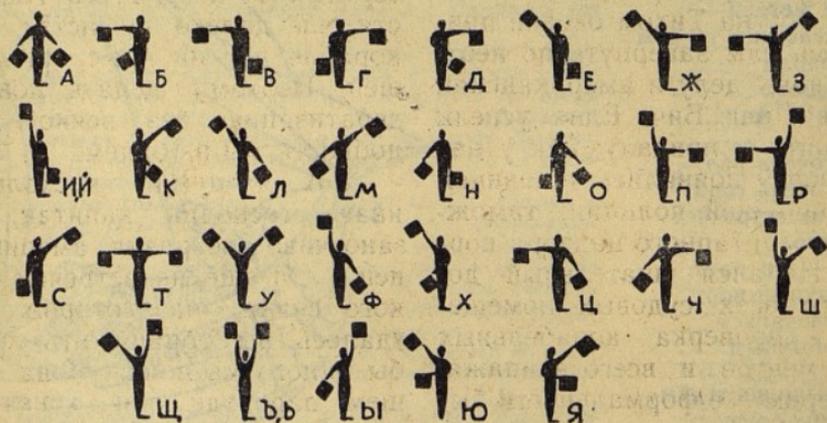
Мы плавали
С тобой
Порой
Не в лучшем
Смысле.

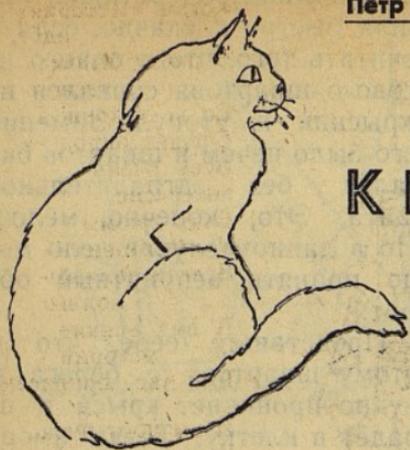

Когда «История»
идёт,
В порту бывает
тесно:
Со всех концов
Спешит народ —
Всем очень
интересно.
Ведь трюмы
У «Истории» —
Всегда полным-
полны:
В них всякие
истории
Для вас припасены.

И вы порт Фель,
Вы все порт Фель,
Конечно же, видали,
Хотя
За тридевять земель
Ни разу не бывали.

Русская семафорная азбука

КИРИЛЛ ПЕТРОВИЧ

Рисунки В. Орлова

Служил я в ту пору матросом первого класса на грузовом пароходе «Руслан». Это был старый, но хороший корабль: надёжный, удобный, красивый. В его глубоких трюмах лежало множество разных полезных вещей, которые везли мы из Ленинграда на Дальний Восток. Долго шли мы по морям и океанам, по далёким и жарким краям. Длинная эта дорога!.. Если всю её пересчитать на километры, так тысяч тридцать наберётся.

И вот на Тихом океане пришлось нам завернуть по неотложному делу в американский порт Лонг Бич. Едва успели подойти к причалу, как у нас на борту появились чиновники пограничной полиции, таможенники и санитарного надзора порта. Начался тщательный досмотр всех судовых помещений, проверка корабельных документов и всего экипажа. Вечером все формальности были закончены и каждому из нас вручён небольшой, серого цвета, американский документ

на право временного пребывания на их территории. Мы все облегчённо вздохнули, полагая, что теперь нас оставят в покое. Но не тут-то было!

— Вам надо сделать дератизацию, — неожиданно заявил санитарный инспектор порта.

— В этом нет необходимости, — ответил капитан. — Наше судно прошло отличную дератизацию в Ленинграде. Об этом у нас есть форменный сертификат и срок его годности ещё далеко не истёк. На корабле нет ни крыс, ни мышей. Поэтому делать новую дератизацию без всякой необходимости мы не будем.

— А я думаю несколько иначе, господин капитан, — заносчиво возразил американец. — Я ещё не встречал такого судна, на котором не удалось бы обнаружить хотя бы одного мышонка. И на вашем пароходе они, конечно, есть. Так что не стоит тянуть время, господин капитан. Советую начинать дератизацию.

— Не будем! — ещё решительней сказал капитан.

— Не будете?

— Не будем!

— Ну хорошо. Проверим. И если найдём на вашем судне хотя бы одного мышонка, то мы заставим вас сделать дератизацию.

В тот же день два американских чиновника привезли на автомобиле десять штук специально устроенных проволочных клеток, именуемых вершами, и расставили их у нас на судне. В каждой верше — вкусная приманка. Если крыса или мышь войдёт в клетку и начнёт приближаться к приманке, чтобы полакомиться, верша тут же захлопнется и заперётся на автоматический замок. И без ключа её не откроешь.

Расставили чиновники свои ловушки и говорят с ехидцей:

— За добычей приедем утром. Спокойной ночи, — откланялись и уехали.

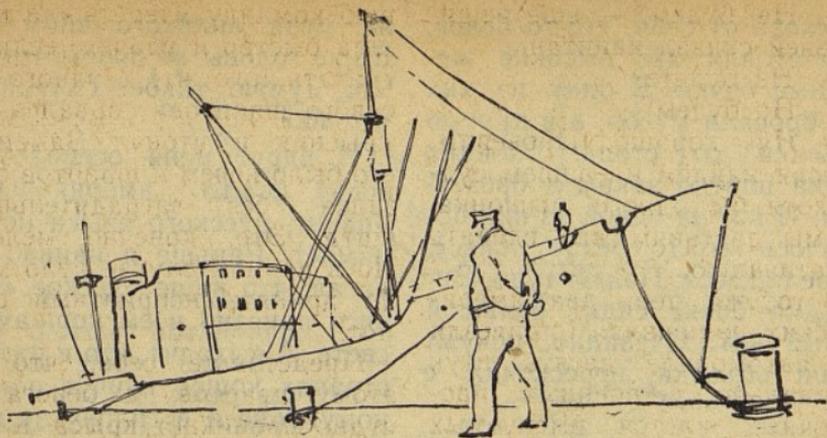
Мы только усмехнулись им вслед. Уж мы-то хорошо знали, что на «Руслане» грызунов нет и американские ловушки останутся пустыми.

Беспокойный день подходил к концу. Многие у нас уже спали, когда с берега внезапно приказали сделать перетяжку: подвинуться вперёд, вдоль пирса, метров на двести. Пришлось поднимать всю палуб-

ную команду. Перетяжка прошла быстро и удачно, если не считать того, что с одного носового швартова сорвался накрывник и утонул. Заменить его было нечем и швартов оказался без заградительного щита. Это, конечно, мелочь. Но в данном случае дело могло принять неприятный оборот.

Представьте себе, что по этому швартову с берега на судно проникнет крыса и попадёт в клетку. Тогда американцы будут торжествовать. А нам из-за какой-то паршивой, да ещё чужой крысы придётся делать дератизацию. А это значит, что пароход будет выведен из эксплуатации: все машины на нём остановят, весь груз из трюмов выгрузят на береговые склады, весь экипаж удалят с корабля на берег в гостиницу... На судне будет хозяйничать специальный

химический отряд: наполнит ядовитым газом все помещения «Руслана» и оставит их в таком положении на продолжительное время, чтобы наверняка отравить всех грызунов, если они тут окажутся. Каждый моряк знает, как много дней отнимает выгрузка и погрузка, не считая самой дератизации. И за всю эту вынужденную канитель мы ещё обязаны будем заплатить огромные деньги в американской валюте. Тут было о чём подумать.

Ровно в полночь я заступил на вахту. Все на судне спят, кроме старпома, меня и двоих вахтенных по машине. Но они находятся глубоко подо мной, в стальных недрах машинного отделения, и заняты там своим делом. Старпом у себя в каюте тоже чем-то занят. На палубе остался только я — вахтенный матрос. Ночь выдалась тёмная, штормовая. Где-то совсем близко ходуном ходит Великий океан. А здесь

в порту благодать. Даже не качает. Только ветер тревожно гудит в корабельных снастях да летят над «Русланом» сырые лохмотья мятущихся туч.

Я огляделся. Корабельная палуба была на одном уровне с причалом. Расстояние от борта судна до бетонной стенки — около метра. Через эту щель положен короткий трап. Прямо передо мной на берегу стоит низкий длинный склад с плоской крышей. На ней сидят и спят большие чайки и носатые пеликаны. По причалу вдоль корабля ходит полицейский.

Мне, как вахтенному, следует глядеть в оба за трапом. А кому же ночью нужен этот трап? Да никому, кроме крыс и мышей. Недолго думая, я втащил трап на палубу и наглухо закрыл фальшборт. Так будет спокойнее! Утром снова положу трап на место.

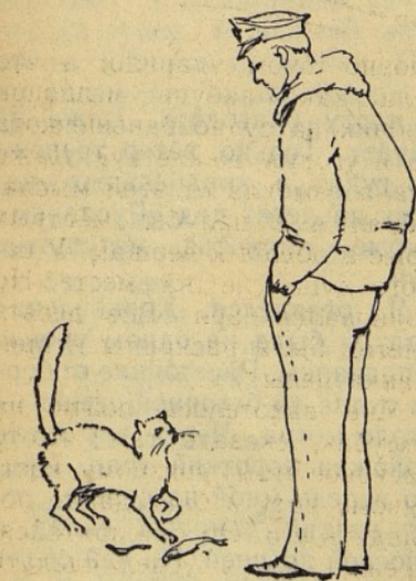
И вдруг я увидел на кормовой палубе, метрах в двадца-

ти слева от себя, что-то белое. Там стояли две высокие железные бочки. В одну из них мы бросали мусор, а в другую объедки со стола. Каждая бочка плотно закрыта брезентом. И вот на одной из них появилось что-то белое, живое, шевелящееся. Пошёл туда. Вижу, на бочке сидит большой белый кот. Очевидно, почуял наши объедки, перескочил с

на меня никакого внимания. Даже головы не поворачивает. Что, думаю, такое? Глухой он, что ли?

И вдруг меня осенило: да ведь кот-то американский! Значит, русского языка не понимает. Раньше я наивно полагал, что наше русское «кис-кис» понятно всем кошкам на свете. А выходит, что в разных странах кошек кличут по-разному. Мне и в голову не приходило, что когда-нибудь понадобится знать, как позвать американскую кошку. А вот пришёл такой час в моей жизни и застал меня врасплох. Да спасибо памяти. Она выручила. Вспомнил я, что был как-то гостем в одной американской семье и хозяйка там позвала свою кошку так: «Кири-кири-кири!»

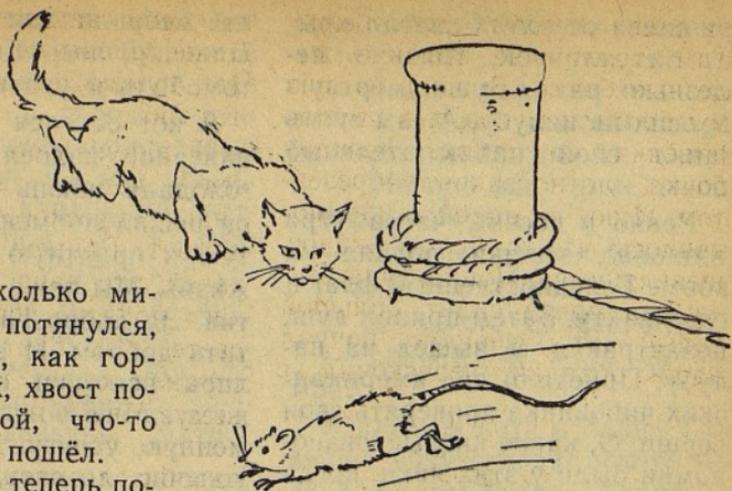
Стой, думаю. Дай-ка и я попробую так же. Конечно, я не был уверен в том, что «кири-кири» означает то же самое, что и наше «кис-кис». Может быть, у той кошки имя было такое? Но только я начал «кирикать», кот тут же соскочил с бочки — и ко мне. Увидел рыбу и сразу вцепился в неё зубами и когтями. А я стою и разглядываю его: большой, белый, но грязный и худющий до того, что все косточки пересчитать можно. Он быстрехонько справился с рыбой. Вижу, что мало. Добавил ещё кусок. Кот и за второй принялся, да скоро насытился. Даже не доел малость. Долго не мог он отойти от остатка. То в зубы его возьмёт, то лапой подкинет. Поиг-

причала на судно и старается содрать с бочки брезент.

— А ведь ты кстати пришёл к нам сегодня, — невольно прошептал я. Быстро зашёл на камбуз, отрезал кусок рыбы, вышел обратно на палубу и зову кота. Ну, вы, конечно, знаете, как надо звать кошек. Как вы их зовёте? «Кис-кис-кис»?

Вот и я зову его так же. Зову раз, другой, третий. А кот

рал так несколько минут, потом потянулся, выгнул спину, как горбатый мостик, хвост поставил трубой, что-то мурлыкнул и пошёл.

Ну, думаю, теперь поминай его как звали! Наелся досыта и пойдёт опять бродяжничать. Но я ошибся. На берег кот не пошёл. Сперва он немного покрутился возле меня, а потом потихоньку зашагал прямо на нос корабля. Как раз туда, где один швартов был без щита. Вот хорошо-то! Там тебе самое место сейчас. Только бы подольше задержался ты на носу.

Прошло ещё некоторое время. Стало светать. Значит, скоро конец моей вахты. Пошёл я проверять, всё ли у меня в порядке. Выхожу на носовую палубу и вижу: лежит передо мной большая жёлто-серая крыса. Мёртвая. Через пару шагов вторая такая же. Тоже мёртвая. А кот сидит на полубаке возле того кнехта, на котором был закреплён швартов без щита, и смотрит вдоль этого троса на берег.

Ай да котище! Вот молодчага! Пару крыс изловил и теперь подстерегает третью. Ему и не понять, как он нам удружил сегодня. Ну и мы в долгу не останемся. И вдруг меня

словно током ударило: а что если какой-нибудь мышонок проник на судно раньше кота да и угодил в клетку? Даже спина взмокла от этой мысли. Убрал я с палубы мёртвых крыс и пошёл к вершам. У самого душа не на месте. Но волновался зря. Все десять клеток были раскрыты и приманки целы.

Мне захотелось пойти на полубак, сказать там что-то ласковое этому грязному, костлявому коту и благодарно поглядеть его. Но он спрятался, прежде чем я успел сделать первый шаг: опустил голову, юркнул за кнехт и притаился. Что же так встревожило и заставило кота насторожиться? Невольно глянул на швартов. Пусто. Нет, врешь, брат, не пусто! Крыса! Но до чего же хитрая бестия. Как она ловко делает! Растянулась вдоль троса, как рябчик вдоль сучка. Сразу и не заметишь. Поднимается выше и выше. Совсем уж близко. Вот она прыгнула на полубак. В тот же миг над нею взвился кот и камнем об-

рушился сверху. Схватил крысу за загривок, потряхнул несколько раз и уже мёртвую бросил на палубу. А сам опять занял свой наблюдательный пост.

Ровно в восемь часов утра я пробил склянки, поднял на корме Государственный флаг и сдал вахту. Затем принял душ, позавтракал и вышел на палубу. Приехали два американских чиновника проверять свои верши. О, какие кислые физиономии были у этих янки, когда они увидели пустые ловушки! Им хотя бы малюсенького мышонка в клетке! Тогда бы они потешились над нами. А тут пришлось уехать не солоно хлебавши.

Рассказываю товарищам о том, что было ночью.

— А где же твой кот? — спрашивают.

— Надо посмотреть. Может быть, ещё здесь, — отвечаю.

И верно. Кот оказался на судне. Его нашли возле камбуза. И каждый моряк с «Руслана» подходил к этому противному на вид коту, нежно гладил его и говорил какие-то свои, особенные, ласковые слова. Кот охотно принимал все эти удивительные ласки и что-то тихонько мурлыкал в ответ.

Днём был сделан новый щит и надет на носовой швартов. Теперь по тросам никакая крыса не могла к нам забраться. Утром снова приехали к нам чиновники-крысоловы и опять у них были кислые лица. И на третий день приезжали — тоже без толку. То-

гда забрали они свои хитрые ловушки, погрузили их на автомобиль и укатили совсем.

А кот остался у нас. Ему, наверное, надоела бродячая и голодная жизнь в Америке, и он решил променять её на сытую и приятную корабельную жизнь. Мы тоже были не против. За добро надо было платить добром. И все мы старались всячески отблагодарить кота за его большую, своевременную услугу. Кормили его, конечно, до отвала. И он начал быстро поправляться. Через неделю от его худобы не осталось и следа. Под кожей появился жирок. Густая шерсть начала лосниться.

Да вот беда: оказался наш кот страшным грязнулей. Он и пришёл-то к нам изрядно перепачканным, а тут стал ещё грязнее. Очень скоро обнаружил он возле камбуза большой ящик с углём для плиты и начал лазить в этот ящик по нескольку раз в день. Заберётся туда и роется в угле, чего-то ищет. Иной раз до того зароется, что только хвост торчит из угля. Выскочит из ящика весь чёрный, как трубочист. Пойдёт по нашей чистой, как яичный желток, деревянной палубе и оставляет за собой чёрные следы, похожие на большие жирные кляксы. Тут вахтенный матрос поневоле берёт швабру и идёт следом за котом наводить порядок.

Ходили мы за ним день. Ходили два. Ходили три. Ходили неделю, две недели. Наконец терпение лопнуло. Случилось это в воскресенье после обеда.

День выдался солнечный, тихий, тёплый. На палубу вышла группа моряков, собравшихся на прогулку в город. Среди них был и наш корабельный кок Максимыч. На нём новый, только вчера купленный светло-серый костюм. И тут наш кот, лежавший у моих ног, соскочил с трюма и начал крутиться возле Максимыча.

— Знает, чертяка, кто его кормит, — восторженно пробасил молоденький матрос Генка.

— Максимыч! Поберегись кота, костюм изгадит!

Но было уже поздно. Все увидели на светлых брюках кока большие тёмные пятна.

— Эх ты... — тихо сказал Максимыч, укоризненно глядя на кота. — Не дал обновить попку. — И пошёл в каюту переодеваться. А на трюме вдруг заговорили все сразу:

— Надо что-то делать с котом.

— Давно пора.

— А разве он виноват, что грязный да ласковый?

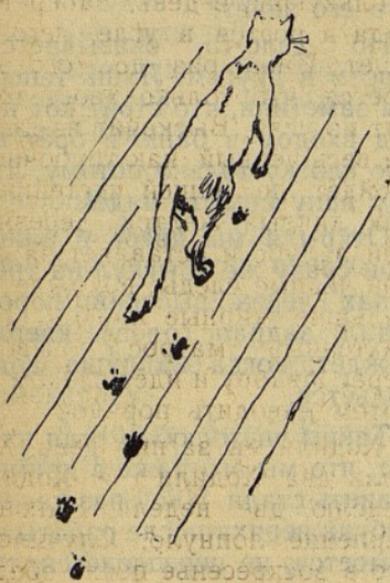
— Не про вину речь, а как порядок сберечь.

— Сберечь просто. Надо кота приучить к бане.

— Да ты что, сдурел, что ли?

— Ничего, от воды не помрёт.

Взяли мы кота в баню. Тот, видно, почувствовал что-то неладное, выпустил здоровые когти. Пришлось надевать крепкие брезентовые рукавицы. Взял я в одну руку передние, в другую задние лапы кота и разложил его в бане на лавочке. Дружок мой приготовил в ведре тёплый мыльный раствор, окатил им кота и стал намыливать. Поднялась куча грязной мыльной пены. Кота уже не видно под ней. Только слышно, как он сердито ворчит и всё время дёргается, пытаясь вырваться. Потом и второй бок обработали тем же способом, прополоскали кота под душем и выпустили. Как ошпаренный выскочил он из бани, взлетел на шлюпочную палубу, отряхнулся и улётся там на световом люке машинного отделения. Снизу ему тепло от машины, а сверху ещё теплее от яркого солнышка. Шерсть его быстро высохла, и стал он таким красавцем, что мы даже ахнули. Белоснежный, пушистый, с карими глазами. Все к нему руки тянут. Каждому хочется поддержать, погладить, сказать ему что-то самое ласковое.

Часа два ходил чистым. Потом глядим — снова чернее южной ночи! Мы даже выругались от досады. Взяли его — и опять в баню. И так пошло по нескольку раз в день: он в угольный ящик — а мы его в баню. Он в угольный ящик — а мы его в баню. Даже привыкать стал. С каждым разом вёл себя всё спокойнее. Скоро отпала необходимость держать его за лапы: сам стал растягиваться на лавочке и даже поворачиваться с боку на бок. Теперь один человек легко справлялся с его мытьём.

Очутившись на корабле и быстро убедившись в том, что других кошек тут нет, наш кот осмелел, заважничал, и по своей кошачьей линии стал считать себя чуть ли не адмиралом: начал совать везде свой нос, даже туда, где ему опасно появляться. Таких мест на корабле немало, и мы нередко слышали тревожные вопли кота. Кричал он, попав в беду, каким-то особым, рыдающим голосом и всегда на одной и той же унылой ноте.

Заслышав призыв о помощи, мы, конечно, спешили на выручку и находили его в самых неожиданных положениях. То хвост у него защемило, то лапы зажало, то самого придавило, то провалился куда-нибудь и самому не выбраться. Однажды провалился в трюм, где лежали рыболовные сети, и так в них запутался, что чуть-чуть не задохнулся. Когда мы его освободили, еле дышал, не мог на ноги подняться.

И вдруг случилось такое, что не забуду никогда. В самый разгар обеда мы услышали громкий, нетерпеливый призыв кота. Его голос поразил нас. Он звучал на какой-то новой, неведомой ранее ноте. Все повскакали с мест, выбежали из столовой и через несколько шагов замерли, поражённые: наш кот стоял на трёх лапах!.. Правой передней лапы не было. Стоит он, бедняга, и как-то необычно смотрит на нас. Жалко нам его. Ну как он будет жить без лапы?

Подошли мы к нему поближе... И глазам не верим. Есть лапа! Но он так её поджал, что из-за туловища совсем не видно. И тут мы обнаружили, что сама лапка густо выпачкана в тавоте. Вероятно, кот сунул свою лапу где-то в ящик или в банку с тавотом, и эта густая, как вазелин, машинная смазка мигом облепила мохнатую лапу. Может быть, кот и на язык попробовал тавот? Кто его знает?

Но дело-то, оказывается, совсем в другом. Лишь теперь мы заметили, что стоит кот перед входом в баню и орёт во всю глотку только потому, что ему лапу помыть надо!

Открыли мы дверь в баню, и он сразу же прыгнул на трёх лапах через высокий порог. Встал, задрал голову кверху и ждёт, когда из душа вода польётся.

Таким чистюльбом стал наш кот, что мы его даже в пример ставить стали. Иной раз какой-нибудь неряха после работы не помоеся, не переоденется, тут

кто-нибудь обязательно и скажет:

— Слушай, друг! Ты хотя бы кота постеснялся. Он и то себя чище содержит.

Все мы были очень довольны тем, что из грязного, бездомного бродяги начал получаться хороший корабельный кот. Вся команда его полюбила. Тогда-то и решили дать ему настоящее русское имя! А то что такое «кири-кири»?

Много перепробовали разных имён, не отзывался! Ни на одно из них. Да это и понятно. Он уже не маленький, чтобы мог легко привыкнуть к новому имени. Всё чаще стали раздаваться у нас голоса о том, что из этой затеи ничего не выйдет и всё останется по-старому. Но скептикам пришлось трубить отбой. Однажды, в конце ужина, в корабельную столовую торопливо вошла буфетчица Граня и весело крикнула:

— Нашла! Нашла-а!

— Чего нашла?

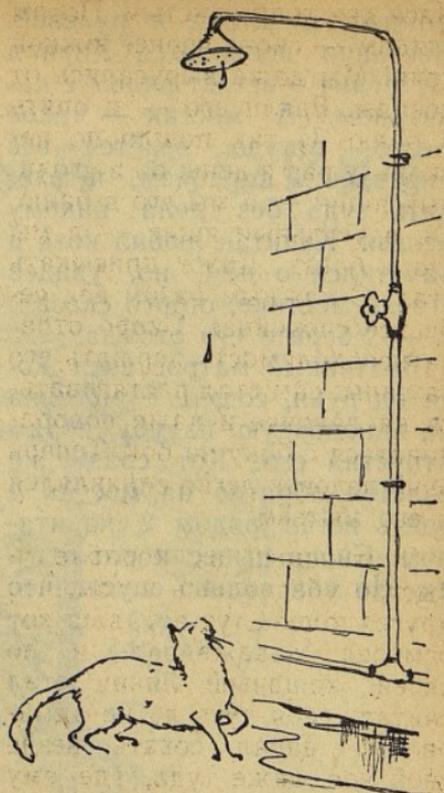
— Имя нашла для кота! — И кричит ему: — Кирилл, Кирилл, Кирилл!

Совершилось чудо: кот моментально явился на зов. Да поверить было трудно, что теперь это стало так просто.

— Ура-а-а!!! Качать Граню! Кача-ать! — закричали все вдруг. Только радист наш усмехнулся:

— А может быть, Кириллу и отчество дать?

— А чего? — откликнулся боцман. — Кот пришёл на вахте Алексеева, а его зовут

Петром. Значит, пусть будет Петровичем.

С боцманом согласились все. И стал наш кот называться Кириллом Петровичем. Так его записали и в служебных бумагах. И такой получился из него кот-мореход, что раньше мы и представить себе не могли.

Пришло время уходить нам из Америки. На берегу толпа провожающих. Желают нам счастливого плавания, просят передавать привет России. Такие дружеские проводы всегда приятны, и настроение у нас было приподнятое. На мостике у нас капитан, вахтенный по-

мощник капитана и рулевой. Внезапно появляется Кирилл Петрович и встаёт рядом с капитаном. А мостик — такое место, откуда ведётся всё управление кораблём, и войти туда без дела никому нельзя. Капитан любил кота и заботился о нём, но, увидев его на мостике, строго сказал:

— Уберите его отсюда.

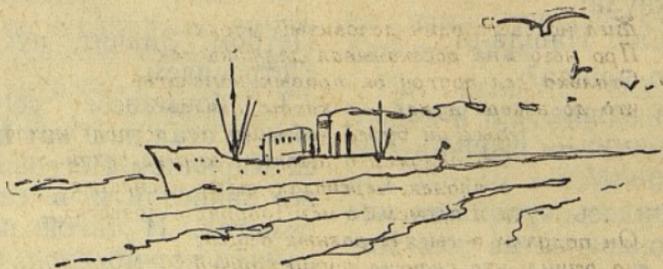
Вахтенный матрос взял кота на руки, сошёл с мостика на шлюпочную палубу и там отпустил его. Кот сразу же взлетел обратно на мостик и опять встал рядом с капитаном. Снова вынесли его оттуда. Но как только спустили с

рук, он мгновенно вернулся на мостик. Шесть раз подряд уносили его сверху вниз. А он и на седьмой раз прорвался на высокий мостик. Капитан рассмеялся:

— Ну и характер у Кирилла Петровича. Настоящий флотский. Молодец. Пусть остаётся.

В НАЗНАЧЕННОЕ время мы пришли на Дальний Восток, сдали свой корабль морякам - дальневосточникам и совершенно иным путем вернулись к себе в Ленинград.

Кирилл Петрович остался на «Руслане».

ДЕЛОВИТЫЙ МОРЯК

*Жил на свете один деловитый моряк.
Про него мне рассказывал дедушка так.
Столько дел поутру он привык намечать,
что до вечера думал — с какого начать?*

*Был он бурей заброшен на остров глухой.
Он подумал о шапке, о куртке сухой,
о плодах, черепахах, сетях и снастях
и о прочем (о чём говорят в повестях).*

*Он подумал о тысяче разных вещей,
но решил, что сначала поищет ручей,
а сперва, чтобы жизнь веселее была, —
заведёт он овецку, дыплят и козла.*

*Но сначала — сначала он сделает дом
и скрипучие двери с надёжным замком,
чтобы змеи боялись скрипучих дверей,
а надёжный замок не впускал дикарей.*

*Стал он делать замок — но доделать не смог.
Он решил, что мешает ему солнцепёк
и что надо сначала панаму сплести,
чтоб от жаркого солнца затылок спасти.*

*Стал он шляпу плести из древесной коры,
но подумал: «Я весь раскалён от жары!
Я взорвусь, если стану ещё горячей!
И, пожалуй, сперва отыщу я ручей!»*

Он отправился в путь — но присел на пенёк:

«Это просто ужасно! Я так одинок!»

И в блокнот записал он: «Сего же числа
заведу я цыплят... ну а лучше — козла».

Вышел из лесу козлик и начал пастись...

«Нет! Я должен на лодке отсюда спастись!

Надо сшить паруса... Только где же игла?

Вот с иглы и начну, а совсем не с козла!»

Тут он начал иглу мастерить поскорей

и, дрожа, озирался, боясь дикарей.

«Был бы дом у меня — я сидел бы внутри.

Не смогли бы подкрасться ко мне дикари!»

Он подумал про дом... и про лодку потом...

Про ручей и плоды (для питья и еды),

про козла, про панаму, про дверь, про замок...

Но с чего начинать — он придумать не мог!

Ни единого дела из тысячи дел

он не сделал, а просто под пальмой сидел,

и, наверное, так и не встал бы с земли,

если б добрые люди его не нашли!

Перевод с английского Н. СЛЕПАКОВОЙ

Рис. П. Вискова

Как в давние времена

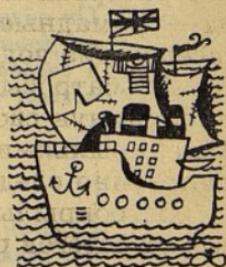
Английский гидрографический корабль «Дэмпир» во время плавания в океане потерял гребной винт. Запросили по радио помощь. Но когда доберётся до «Дэмпира» спасательный буксир! Несколько дней пройдёт.

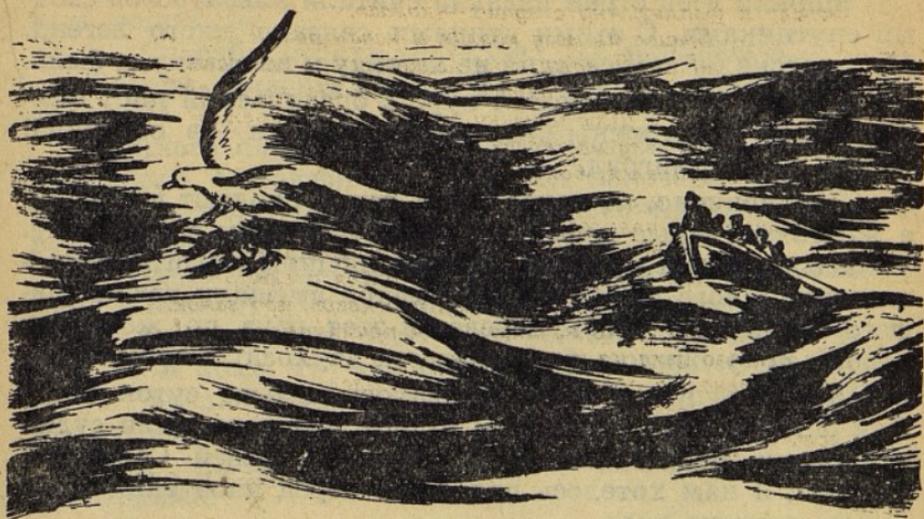
Вот если бы двинуться ему навстречу... Без винта? Без винта!

Экипажу был дан приказ... поднять паруса!

И соорудили паруса. Из всего, что попало под руку. Подняли паруса на мачтах. Корабль получил небольшой ход и возможность управляться.

Так он и прошёл под парусами ни много ни мало — 600 миль!

АЛЬБАТРОС-СПАСИТЕЛЬ

Гибралтар давно уже остался позади. За бортом теплохода «Урал» шумел, волновался бескрайний Атлантический океан.

В бездонном ярко-синем небе то сходились, то расходились маленькие белые комочки. Нет, это не были клочья разорванных ветром облаков. Это парили альбатросы — громадные белоснежные, иногда дымчатые птицы, населяющие воды южного полушария.

Альбатросы — прекрасные летуны. Часами, ни разу не взмахнув своими огромными, более трёх метров в размахе, крыльями, кружат они в воздухе, неделя за неделей неотступно следуя за судном.

Острокрылые альбатросы залетают в самые отдалённые от берегов районы океанов. Недаром моряки прозвали их «скитальцами морей». Люди, потерпевшие кораблекрушение, через несколько дней неминуемо погибли бы от жажды. А вот альбатросу хоть бы что! Вы думаете, он не пьёт совсем? Нет. Он преспокойно пьёт солёную морскую воду. Природа создала для этой птицы своеобразный...

«опреснитель». Морская вода, проходя через клюв, превращается в пресную воду, пригодную для питья.

Моряки всех стран издавна считали альбатросов своими спутниками. С этими птицами связано много легенд. Но я расскажу вам сегодня не легенду и не сказку, а быль.

...Итак, «Урал» держал курс в бразильский порт Сантус. Здесь мы должны были взять кофе, и — в обратный путь — на Ленинград.

Это, конечно, не такое кофе, какое продают в пачках, а желтовато-серые кофейные зёрна размером в горошину. И насыпаны они в мешки по сто с лишним килограммов в каждом. Много тысяч таких мешков вмещали трюмы нашего теплохода. Чтобы перевезти этот груз по железной дороге, понадобилось бы четыреста двухосных вагонов!

До порта назначения оставалось меньше суток хода. Как обычно перед приходом в порт, мы приводили судно в порядок. Ведь судно — это частичка нашей Советской Родины, и нам хотелось предстать перед иностранцами в самом лучшем виде.

Матросы красили надстройки, грузовые стрелы, отбивали с палубы ржавчину. И вдруг... Один моряк, который работал на корме, сорвался в воду.

— Человек за бортом!

— Полный назад!

Спустили спасательную шлюпку, матросы налегли на вёсла, взбуравили ими воду и помчались в том направлении, где по расчётам должен был находиться упавший моряк. На нём был надет спасательный жилет — такая резиновая надувная куртка — и утонуть он не мог. А вот захлебнуться или разбиться о воду — это возможно.

Шлюпка уже достаточно удалилась от судна. Старший штурман в бинокль обшаривал поверхность воды, но матроса нигде не было видно. Да и попробуйте среди пенистых волн рассмотреть крохотную точку — голову человека!

Все уже отчаялись найти своего товарища, когда старший штурман, сидевший за рулём шлюпки, заметил, что один из альбатросов, паривших над морем, круто пошёл вниз и скрылся в волнах. Вскоре птица показалась на гребне волны.

— А ну, ребята, навались! — приказал штурман и направил шлюпку в то место, где покачивался на волнах альбатрос.

Странно! Птица сидела на каком-то плавающем предмете. Когда шлюпка приблизилась, альбатрос медленно взлетел, и все увидели, что он сидел... на груди нашего

матроса. Тот был без сознания и держался на воде благодаря спасательному жилету.

Матросы бережно подняли его в шлюпку, дали понюхать нашатырю.

— Спасибо, ребята, — сказал он, очнувшись.

Вскоре спасательная «экспедиция» вернулась на судно.

Немного оправившись, матрос рассказал, что с ним произошло. Оказавшись в воде, он некоторое время пытался плыть за теплоходом, но, оглушённый ударами волн, потерял сознание.

— Скажите, Виктор Петрович, как вам удалось найти меня в океане? — спросил он старшего штурмана.

— Спасти тебя помог альбатрос, — ответил штурман. — Я знал, что эти птицы редко садятся прямо на воду: предпочитают какой-либо плавающий предмет. С него легче взлететь.

Как видите, знать повадки животных иногда просто необходимо!

* ~~~~~

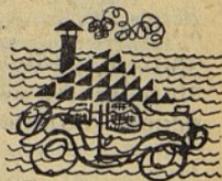

Получайте квартиры!

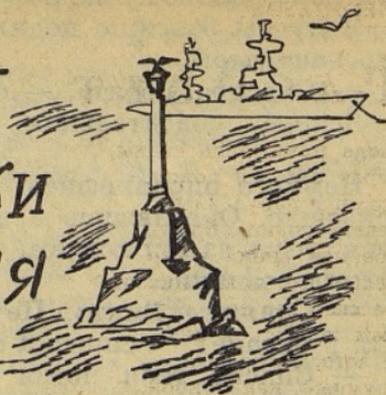
Возле французского побережья Средиземного моря решено затопить множество кузовов старых автомашин, предназначенных на слом. Для чего? Для лангустов!

Наблюдениями установлено, что лангусты — эти съедобные ракообразные — часто, выбирая убежище, залезали в металлические ящики или банки, где размножались значительно быстрее.

Так вот вам квартиры!

Пишут школьники Севастополя

*Мой город у синего моря,
Как ветра полёт над волной,
Как белая птица в просторе,
Летающая в мир голубой.*

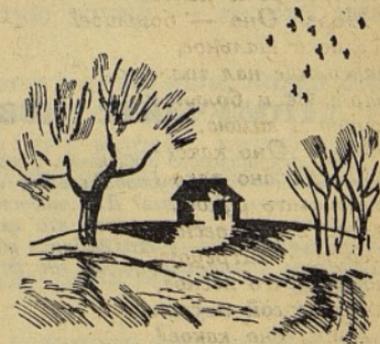
Эти строчки написала семиклассница Вера Леонтьева о своём городе-герое Севастополе. Если вы бывали в нём, то, наверное, согласитесь, что Вера очень точно, поэтично и красочно создала образ своего города.

Волны разных морей плещутся у стен наших городов: Ленинград стоит на Балтике, Севастополь — на Чёрном море. Но давняя крепкая дружба связывает эти два города-героя, два крупных порта нашей страны, две морские твердыни. И сегодня мы хотим предложить вам стихи и рассказы ребят Севастополя. Все их авторы — члены литературно-творческого кружка севастопольского Дворца пионеров.

С. ЕЛЬЦОВ

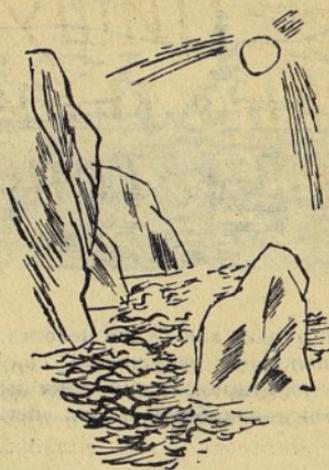
В Ё С Н Ы

*Вёсны, вёсны, капель густая,
Разогретые в пар поля
Журавлиной курлычащей стаей
Поднимаются ввысь, паря.
Вёсны, вёсны, речные глади,
Запрессованы зимней стужей,
Мир звенит, словно струны ладит,
Захлебнувшись в весенних лужах.
Вёсны, вёсны, а небо — сцена:
Мир весну воспеваает миром.*

РАССВЕТ

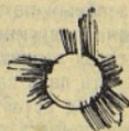
К воде прижались скалы,
А мрак с зарёй поник.
И солнца парус алый
Рассвета поднял бриг.
Разбойник синий ветер
В тельняшке волн морских
В рассвет закинул сети
И сам попался в них.
Как лето, загорелый,
И шумный, как прибой,
Он на любое дело
Пойдёт, презрев покой.
Сверкающей долины
Синее этой нет.
Здесь волн седые спины
Ласкал рукой рассвет.
И волны вверх взлетали,
Сверкая чешуёй,
И берег омывали
Ладонью голубой.
И волны караваном
Здесь тают на песке
И гибнут, как туманы
У солнца на руке.

Туда несётся ветер,
Где, словно жизнь, сильна
На блекнувшем рассвете
Рождается волна.

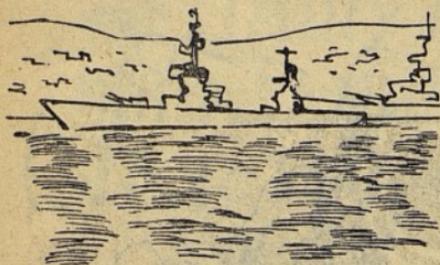
ОНО КАКОЕ?..

— Море... Оно какое?
— Море? Оно — большое!
Весёлое и шальное,
Как солнце над головою.
Сварливое и больное
Осенью и зимою.
— Море. Оно какое?
— О! Да оно такое!
Не показать рукою.
Словно земля весною:
Зелёное, с хитрецою,
Словно нечто лесное,
Пахнет росой и сосною.
— Море, оно какое?
— Море? Оно простое,

Полуленивое в зное,
Бешеное порою...
В общем, оно родное!

МОЙ ГОРОД

Он по утрам, как будто человек.
Ещё наполнен радужными снами,
Ещё с полудремотными домами,
Домами нежно-белыми, как снег.

Он по утрам и проще, и родней,
С рассветом, затаившимся
на крышах,
С безмолвием холмов до меди
рыжих,
С размеренною жизнью кораблей.
Ещё глаза со сна не протерев,
Уже предчувствую гул моря
за стеною,
И песню (вот бывает же такое!) —
Гул волн мне словно песенный
напев.
Мой город расправляет мощность
плеч —
Ажурные над морем стрелы
кранов.
И хочется от бурь и от туманов
Его рассветы светлые сберечь.

О. АБРАМЕНКОВА

КРАЙ МОРЯЦКИЙ

Наш город большой и тёплый. Наш город белый, голубой и зелёный. Белый потому, что все здания его — из светлого камня, и когда светит солнце, стены их словно улыбаются. Голубой потому, что начинается у самого-самого моря, и если смотреть из бухты, кажется, что первая улица — набережная Корнилова — стоит «по колено» в воде. А зелёный потому, что около каждого окошка растут анисы, или тополя, или кусты сирени, георгины и ирисы.

Наш город ласковый и гордый. Приезжайте к нам — и сами убедитесь в этом. А пока позвольте дать вам совет: в первый раз на наш город надо смотреть обязательно с палубы. Город встанет перед вами величественный и добрый. Отсюда вы увидите и подиову внутреннего рейда, и Северную сторону, и Корабельную, и золотой шпиль Матросского клуба, и корабли, корабли...

А потом надо непременно спуститься к морю и ходить, ходить по улицам — приглядываться, прислушиваться. Тогда вы увидите весёлые, совсем не похожие друг на друга дома, пёстрые детские площадки и беседки, увитые виноградом. Вы услышите ласковый плеск моря, шелест листьев, а весной аромат анисов и быстрый южный говор. До вас обязательно донесётся благоухание цветов и запах рыбы, и ни на что не похожий запах порта...

А ещё надо непременно подняться на Малахов курган, к Вечному огню, посмотреть на вечерний город. Но сколько ни смотри на него со стороны — днём ли, ночью, на рассвете или в сумерках, — самого главного, самого лучшего, что у нас есть, всё равно не увидишь, не узнаешь до тех пор, пока не познакомишься с нашими людьми.

В нашем городе все моряки и морячки. Мне даже иногда кажется странным, что могут быть люди, не связанные с морем.

Приезжайте к нам, в край моряцкий.

Рис. Ю. Шабанова

Путешествие по стране «Июль»

В страну «Июль» мы входим незаметно. Сразу и не понять: что же изменилось вокруг! То же жаркое солнце, та же густая зелень. Те же птичьи голоса и цветы.

То, да не то!

Солнце тут злее — с раскалённым белым ободком. Новые кругом появились цветы. По-иному, ленивее, зазвучали вокруг голоса птиц. И на иной лад попочут на ветру зелёные листья.

Не многим, не броско, но всё же отличилась страна «Июль» от страны «Июнь». Так ведь и по названию они похожи, только-то и всего, что в слове вместо «н» — «л».

Жара. Мляные вороны на заборе в изнеможении свесили крылья и разинули клювы. Ласточки и стрижи кружатся над водой: пьют и купаются на лету.

Жаркие жёлтые волны катятся по созревшим полям, и горячая пыль на дорогах завивается вихревыми столбами.

Лениво плывут кучевые облака — огромные и таинственные, как далёкие снежные горы. Лениво колышутся ветви и лениво прыгают солнечные зайчики. Лениво, не шевеля крыльями, кружат в небе хищные сарычи и луни. Даже комарам лень днём кусаться — ждут вечера.

Птицы поют реже и неохотнее — начинают менять перо, линять. Ручьи перестают бурлить — давно схлынули вешние воды. Умолкли отчаянные лягушачьи концерты.

Но тишины нет! Лягушек сменили кузнечики: трещат, не умолкая, в лесах и полях. Да и какая там тишина, если то и дело грохочут грозы, дождь звенит по проводам, хлещет по листьям. Путешественнику по «Июлю» долго спать не положено. Проспишь — и останешься ни с чем. Не увидишь утренних июльских цветов, которые не сводят с солнца разноцветных глаз. Не услышишь, как гудят от пчёл огромные липы. Не понюхаешь, чем пахнут по утрам лесные поляны и вырубки. А пахнут они так, будто варят на них земляничное варенье!

Шагает путешественник по лесам и полям по колени в траве, как в зелёной воде.

Дали дрожат и плывут. Струится горизонт. Струятся леса, дороги, курганы. Плывут далёкие дома и целые посёлки. Плывут как сказочные корабли. Идёт путешественник по «Июлю» и радуется.

Непослушные малыши

Сидел Медведь на поляне, пень крошил. Прискакал Заяц и говорит:

— Беспорядки, Медведь, в лесу. Малые старых не слушают. Все от лап отбилась!

— Как так?!—рявкнул Медведь.

— Да уж так!— отвечает Заяц.— Бунтуют, огрызаются. Все по-своему норуют. Во все стороны разбегаются.

— А может, они того—выросли?

— Куда там: голупузы, короткохвостые, желторотые!

— А может, пусть их бегут?

— Мамы лесные обижаются. У Зайчихи семеро было — ни одного не осталось. Кричит: «Вы куда, лопухие, потопали — вот вас лиса услышит!» А они в ответ: «А мы сами с ушами!»

— Н-да, — проворчал Медведь.— Ну что ж, Заяц, пойдём, поглядим что к чему.

Пошли Медведь и Заяц по лесам, полям и болотам. Только зашли в лес густой — слышат:

— Я от бабушки ушёл, я от дедушки ушёл, я от мамы ушёл, я от папы ушёл!

— Это что ещё за колобок объявился? — рявкнул Медведь.

— И совсем я не колобок! Я солидный взрослый бельчонок.

— А почему тогда у тебя хвост куций? Отвечай, сколько тебе годов?

— Не сердись, дяденька Медведь. Годов мне ещё ни одного. И с полгода не наберётся. Да только вы, Медведи, живёте шестьдесят лет, а мы, Белки, от силы десять. И выходит, что мне, полугодке, на ваш медвежий счёт — ровно три года!

Вспомни-ка, Медведь, себя в три годочка. Небось тоже от медведицы стрекача задал?

— Что правда, то правда! — проворчал Медведь.— Год ещё, помню, в пестунах-няньках ходил, а потом сбежал. Да на радостях, помню, улей разворотил. Ох и покатались же на мне пчелы тогда — посейчас бока чешутся!

Пошагали Медведь с Зайцем дальше. Вышли на опушку и слышат:

— Я, конечно, всех умней. Домик рою меж корней!

— Это ещё что за поросёнок в лесу? — взревел Медведь.— Вревел мне сюда этого киногероя!

— Я, уважаемый Медведь, не поросёнок, я почти взрослый самостоятельный Бурундук. Не грубите — я укусить могу!

— Отвечай, Бурундук, почему от матери убежал?

— А потому убежал, что пора! Осень на носу, о норе, о запасах на зиму пора думать. Вот вырвите вы с Зайцем для меня нору, набейте кладовую орехами, тогда я с мамой до самого снега в обнимку готов сидеть. Тебе, Медведь, зимой забот нету: спишь да лапу сосёшь!

— Хоть я лапу и не сосу, а правда! Забот у меня зимой мало, —

пробурчал Медведь. — Идём, Заяц, дальше.

Пришли Медведь и Заяц на болото, слышат:

— Хотя мал, да удал, переплыл канал. Поселился у тети в болоте.

— Слышишь, как похваляется? — зашептал Заяц. — Из дома удрал, да ещё и песни поёт!

Рыкнул Медведь:

— Ты почему из дома удрал, ты почему с матерью не живёшь?

— Не рычи, Медведь, сперва узнай что к чему! Первенец я у мамы: нельзя мне с ней вместе жить.

— Как так нельзя? — не унимается Медведь. — Первенцы у матерей всегда первые любимчики, над ними они больше всего трясутся!

— Трясутся, да не все! — отвечает Крысёнок. — Мама моя, старая Водяная Крыса, за лето три раза крысят приносила. Две дюжины нас уже. Если всем вместе жить — то ни места, ни еды не хватит. Хочешь не хочешь, а расселайся. Вот как, Медведушко!

Почесал Медведь щеку, посмотрел на Зайца сердито:

— Оторвал ты меня, Заяц, без толку от серьёзного дела! Всполошил по-пустому. Всё в лесу идёт, как тому и положено: старые старятся, молодые растут. Осень, косой, на дворе, скоро время возмужания и расселения. И быть по сему!

СМЕШИНКИ

Лосёнок и лосиха

— Посмотри, мама, какие у меня ноги длинные-предлинные!

— Длинные, сыночек, длинные и большие.

— Посмотри, мама, какие у меня уши высокие!

— Высокие, сынок, уши — большие.

— А отчего это, мама, у меня такие уши и ножки большие?

— А оттого, сынок, что ты у меня ещё совсем маленький...

Грачонок и жук

— Ну, жук, прощайся с белым светом — сейчас я тебя съем! Скажи на прощание, как хоть зовут-то тебя, бедолагу?

— Зовут меня, грачонок, жук-могильщик!

— Фу, гадость какая! От одного названия подавиться можно. А ну проваливай с глаз долой, не омрачай своей фамилией ясный день и моё весёлое настроение!

Лиса и куропатка

— Все меня, куропатку, обидеть норовят: в лесу волк серый, в поле хорёк бурый, в воздухе ястреб пёстрый. Хотя бы ты меня, лиса, пожалела!

— А я что — рыжая, что ли?..

Лисица и ёж

— Всем ты, ёж, хорош и пригож, да вот колючки тебе не к лицу!

— А что, лиса, я с колючками некрасивый, что ли?

— Да не то, чтоб некрасивый...

— Может, я с колючками неуклюжий?

— Да не то, чтоб неуклюжий!

— Ну так какой же я такой с колючками-то?!

— Да какой-то ты с ними, брат, несъедобный...

Сердитые голоса

Жалуемся на коллекционеров. Не на всех, конечно. На тех, кто собирает лекарственные растения, минералы, жуков и бабочек, — мы не жалуемся. А жалуемся мы на тех, кто собирает для коллекции птичьи яйца. Сколько из-за этого погибает в лесу гнёзд! Сколько потом собранных яиц бьётся от неумелого обращения, сколько потом выбрасывается на помойку!

А ведь каждое яйцо — это будущая птица.

Лесные, полевые и болотные птицы.

— Была я красивая, была я пригожая — стала сама на себя не похожая!

Траву ребята на мне вытоптали, кусты повыломали.

Берёзку на дрова срубили, ёлочку — на подстилку.

Забросали меня пустыми банками, грязной бумагой, щепками и тряпками.

Жалуюсь! Была я лесной полянкой, стала лесной помойкой!

Айболитовцы

Айболитовцы — это лесная скорая помощь. Нет у них ни телефонов, ни машин, но зато есть быстрые ноги, зоркие глаза и умелые руки.

Айболитовцы не ждут, когда больные придут к ним на приём. Они — врачи на дому. А дом — весь лес.

Врачи - разведчики с утра на ногах. В лесу немало больных. Одним надо оказать помощь на месте, других нужно забрать домой.

У каждого больного — своя история болезни.

ПТЕНЕЦ ДРОЗДА.

Вытащили его изо рта у собаки. Зубами придавить не успела, но всего обмусолила. Помощь оказана на месте происшествия: обмыли тёплой водой, высушили на солнце, накормили червяками и отпустили. Собаку взяли на поводок.

ГОЛУБЬ СИЗЫЙ.

Найден на улице: не мог ни ходить, ни летать. Кто-то обмотал ему лапки нитками, а к хвосту привязал верёвку. Нитки впились в

кожу, и лапки опухли. Назначены тёплые ванны и растирание вазелином.

СКВОРЕЦ. Найден под проводами со сломанным крылом. Взят на излечение домой. Рана смазана и присыпана стрептоцидом, на крыло наложен лубок. Прописана диета: рубленое яйцо три раза в день по чайной ложке.

СОБАКА БОБИК.

Тот самый Бобик, который по глупости чуть не проглотил дроздёнку. Он привык совать свой нос куда не положено. Сунул под валёжину и наткнулся на гадюку. Нос распух, как чемодан. Мы выдавили из ранки кровь, промыли марганцовкой. Уложили Бобика в тень. Два дня он не вставал, скулил и тёр укус лапой. На третий день опухоль спала и Бобик завил хвостом.

Встречи в лесу

— Я, друзья мои, давно поменял ружьё на фотоаппарат. За что, спрашивается, стрелять милых и симпатичных зайцев и куропаток? Что они сделали плохого? Нет. Завирушкин не станет обижать слабых. Я охочусь на птиц и зверей с фотоаппаратом. Добыча моя — фотоснимки! И радуют они меня куда больше, чем пух и перо.

Был я на днях с фотоаппаратом в лесу. Вы знаете, какой в июле у нас густой и непроглядный лес! Но от меня никто не сумеет спрятаться! Глаз у меня острый, ухо

моё чуткое! Вот слышу — шуршит кто-то за кочкой. Ага — белая куропатка! Белая с ног до головы, только носик да глазок чёрные. А под чёрным глазком красная бровка. Быстро прицеливаюсь своим испытанным фотоаппаратом — раз, раз! — и вот она, моя добыча! Хороша? Не напрасно её белой куропаткой назвали!

Дальше иду, вижу — заяц-беляк осинку гложет. Выхватываю фотоаппарат — раз, раз! — готово. Вот, полюбуйтесь. Белый весь, как фарфоровый. Только глаза да кончик ушей чёрные. Очень меткое название — заяц-беляк!

Третьей моей фотодобычей стал горноста́й. Вот он во всей своей ослепительной белизне! В глубокую старину из шкурок этого красавца делали белоснежные королевские мантии. Я его издали заметил среди чёрных валёжkin: так и снял, словно солнечный зайчик!

Ну вот, послушали, посмотрели, а теперь ещё и подумайте. Моги я таких птиц и зверьков сейчас в лесу встретить? Или не могу?

ОТГАДКИ

Завирушкин прошлый раз рассказал нам удивительную историю. Будто был он в лесу и видел там... светящихся птиц, светящиеся пни, светящиеся грибы и светящихся насекомых! Прямо какой-то светящийся жар-лес! Ребята, конечно, ему не поверили: только в сказках бывают жар-птицы. И напрасно!

Конечно, настоящих жар-птиц, таких, от которых бы и ночью в лесу светло становилось, таких птиц нет. Но однажды один охотник застрелил ночью морскую утку, взял её в руки, а она светится! Да так ярко, что хоть книжку читай! Но как только утка высохла — так и потухла. И догадался охотник, что не сама по себе утка светилась, а светились крошечные морские ночесветки, прилипшие к её перьям. Те самые ночесветки, от которых иногда по ночам светится морская вода.

Другой охотник подстрелил однажды светящуюся... сову! Светилась она слабым голубоватым огнём. Оказалось, что сова днела в сыром трухлявом дупле, всё перо её было усыпано мелкой гнилью. А сырые гнилушки, как вам известно, светятся.

Ну а раз охотники встречали светящихся птиц, то мог их повстречать и наш Завирушкин.

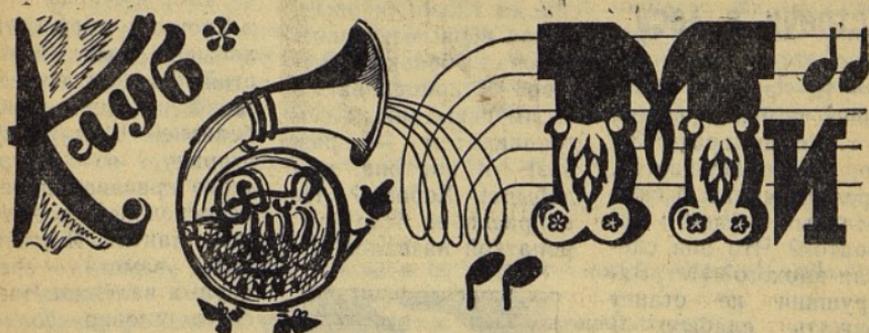
Прав он оказался и тогда, когда рассказывал о светящихся пнях — старые пни это тоже гнилушки! — светящихся грибах и насекомых. У нас светящиеся грибы встречаются редко. Иногда чуть заметно светятся старые грибы-трутовики или переросшие сморчки. Слабо светится на пнях грибочка олят. Зато в тропиках светящихся грибов очень много. Иные так ярко светят, что при их свете натуралисты и ночью могут записывать свои наблюдения.

Ну а светящиеся насекомые — это разного вида светлячки. Летней ночью можно найти их в траве. А на Кавказе есть даже летучие светлячки, летают и кружатся по ночам, словно искорки!

В тропиках светлячниками жуками украшают волосы, привязывают их и к ногам, чтобы не сбиться ночью с тропы. Или, собрав жуков в стеклянную банку, работают при их свете, как при свете лампы.

Как видите, Завирушкин и в этот раз рассказал правду.

— Разрешите представить вам нашего нового товарища, — сказал Орган в начале заседания.

— Новый товарищ выглядит довольно старым, — с улыбкой сказала о себе Скрипка Амати.

— Что вы! Что вы! — загомонили члены клуба МИ. — Вы прекрасно выглядите! Вы так изящны!

— И потом, — заметил рассудительный Кларнет, — самое главное у инструмента не его внешний вид, а звук. А вас ведь создал великий мастер Амати.

— Да, — согласилась Скрипка Амати. — Звук у меня прекрасный. Но благодарить за это нужно не только великого мастера Амати, но и ещё одного человека, который вернул мне потерянный было голос. Фамилия этого мастера-реставратора вам ничего не скажет. Но это благодаря ему я пережила свою гибель.

— Как интересно! Расскажите! — заговорили инструменты наперебой.

СЕРЬЁЗНОЕ

— Но я в этой истории не самое главное действующее лицо, — сказала Скрипка Амати. — В годы, когда шла Великая Отечественная война в стране, которая стала для меня второй родиной, я была свидетельницей героического поступка. Мож-

но сказать — подвига. В тот день я была разбита сильным ударом буквально на щепочки.

— Какой кошмар! — взвизгнула Флейта.

— Кто вас разбил? — спросила Арфа.

— Тот, кто играл на мне, — ответила Скрипка Амати.

— Какое варварство! Возмутительно! — слышались голоса.

— Не спешите с заключениями, — тихо произнесла Скрипка. — Как раз это, как вы говорите, варварство и обернулось подвигом.

Все недоумевающе замолчали, и Скрипка Амати начала рассказ.

Это происходило в оккупированном фашистами городе. В немецкой комедатуре проходил следующий разговор.

— А если он не согласится? — с сомнением произнёс ефрейтор Вильке.

— Тогда я сделаю это сам, — усмехнулся майор Штильке.

— Как?! Разве вы?..

— А вы думали, что армия фюрера состоит из одних лишь колбасников? Вы, кажется, были до войны колбасником?

— Нет, господин майор. Я был слесарем.

— Всё равно... Итак, ровно в шестнадцать ноль-ноль вы подаёте автомобиль к углу и внимательно наблюдаете за подъездом дома номер семь. Дальнейшее вам известно.

— Так точно, господин майор.

— Если группа будет взята, получите повышение. Идите!

— Слушаюсь, господин майор.

Вильке вышел. Майор посмотрел на свои гладкие мясистые руки, помял одну другой, сделал несколько замысловатых движений пальцами и усмехнулся. Хорошие руки! Ловкие, цепкие. Из таких рук не ускользнёт никто...

ГУРКОВ подошёл к окну. Видно со второго этажа было не очень далеко. Зато хорошо было слышно. А это было главное и для него и для тех, кто подходил к дому. Он взглянул на часы. Стрелки показывали половину третьего. «Можно начать пораньше, — подумал он и усмехнулся. — Немногим артистам доводилось играть такую роль, как мне. Наверное, ни один концерт не начинали с такой точностью, с какой я начинаю свои выступления для моих „слушателей“».

Он достал из футляра превосходную скрипку работы Амати и заботливо вытер её. Несколько раз провёл смычком по прозрачному камеш-

ку канифоли и сунул скрипку под подбородок. Начал, как всегда, с гамм и упражнений. В комнате было прохладно и размять пальцы было не так-то легко. Когда руки «разогрелись», он стал повторять трудные отрывки из различных

пьес. Проходившие по улице немецкие солдаты удивлённо прислушивались и задирали головы. Редкое явление — в оккупированном городе кто-то играет на скрипке.

Гурков взял первые аккорды знаменитой «Чаконь» Баха, когда в комнате раздался звонок. «Странно, — подумал скрипач, опуская инструмент. — Неужели их сбила с толку «Чаконя»? Они обычно приходят ровно в четыре. А может?..»

Он пошёл отпирать дверь. Из полумрака передней он особенно чётко увидел в свете, бьющем из окна площадки, что это не те, кого он ждал. Двое незнакомцев быстро вошли в переднюю, и один сказал с едва заметным немецким акцентом:

— Тихе, господин Гурков. Немедленно пройдите в комнату. Дверь мы закроем сами.

— Что это значит, товарищи? — по старой привычке называя всех товарищами, спросил Гурков.

— Товарищи? — издевательски переспросил один из непрошенных гостей, отесняя Гуркова от двери. — Разрешите представиться: майор Штильке. Мой визит к вам неофициальный, а потому я позволил себе явиться в штатском.

Сомнений не было: явка в квартиру Гуркова провалилась.

— Вы смóтрите на часы? — усмехнулся майор. — До четырёх ещё есть время, и мы успеем с вами поговорить. Ведь ваши свидания бывают, как правило, в четыре. Нет-нет, никто мне об этом не говорил. Но согласитесь, ежедневно в шестнадцать ноль-ноль из ваших окон доносятся звуки «Чаконь» — прекрасные, насыщенные аккорды, которые слышны

очень хорошо. И как раз в это время в подъезд вашего дома заходят подозрительные люди...

«Врёт, — мелькнуло у Гуркова. — С подъезда ко мне никогда никто не заходит. Провокация. Но что делать?! Ведь действительно придут...»

И внезапно Гурков успокоился. Никакими силами эти пришельцы не заставят его подать сигнал. Он не станет играть музыку Баха.

— Это ваша комната? — спросил Штильке, оглядывая неприятную обстановку. — Столь известный скрипач живёт в нищенских условиях. В Германии вам жилось бы лучше.

— Приходя в гости, — ответил Гурков по-немецки, — не ругают дом хозяев.

— Ого! Вы владеете немецким! — восхитился Штильке. — Вы культурный человек.

— Вы владеете русским, — ответил Гурков, — но вас культурным человеком я не назову. Владеть русским языком вам показалось мало. Вы решили завладеть всей Россией. Но это вам не под силу.

— Так-так, — присвистнул Штильке. — Вы, я вижу, не так мирно настроены, как я того ожидал. Шульц, — обратился он к своему спутнику, — выйдите из комнаты и станьте у входной двери. Мне хоте-

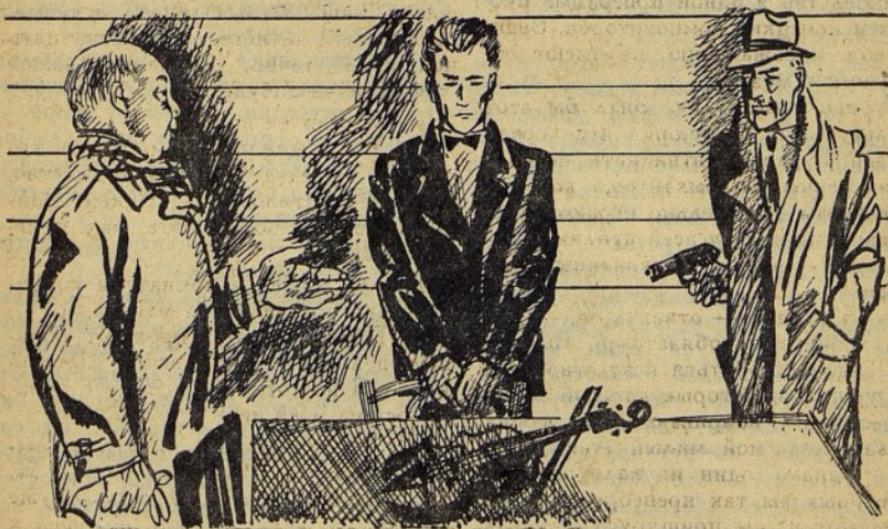
лось бы поговорить с господином Гурковым наедине.

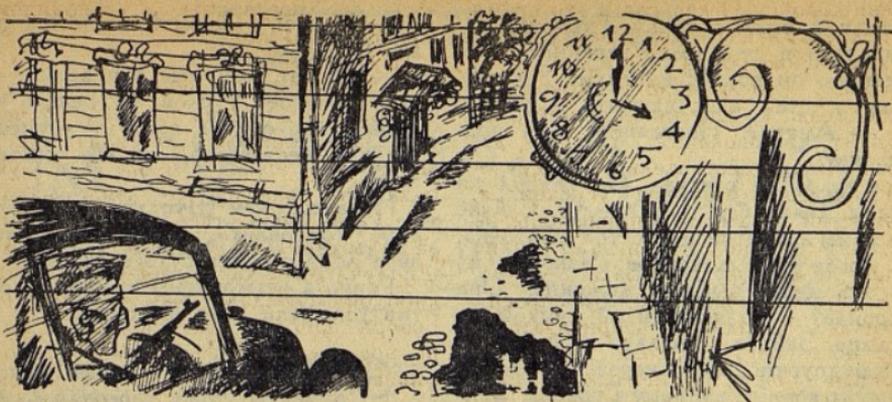
Шульц вышел.

— Господин Гурков, — сказал Штильке, глянув на часы. — В четыре часа, как нам с вами известно, вы должны играть у окна «Чакону» Баха. Это означает, что ваши знакомые (я не смею утверждать, что они ваши друзья) могут подняться к вам и получить кое-какие сведения от вас, либо они передадут вам что-нибудь. Говоря попросту, вы связной группы вредителей. Знаете ли вы, что совершаете преступление перед новой властью? Вас ввели в заблуждение. Мы не преследуем интеллигенцию, и вы напрасно рискуете собой. Ваш талант должен быть вне войны, вне политики. Я вижу, вы не испытываете ненависти к великому немцу Баху и даже, как ни странно, избрали первые звуки его «Чаконны» для позывных...

— Да оставьте вы! — бледнея сказал Гурков. — Месяц назад моему брату оторвало руку вашим снарядом. И не на фронте, а во время обстрела госпиталя, где он лежал. Брат был прекрасным пианистом.

— Я понимаю, — скорбно произнёс Штильке, — это трагедия для музыканта. Но я ведь тоже рискую на войне. И всё же, как люди искусства, мы должны друг друга по-

нять. — Штильке украдкой глянул на часы. — Я предлагаю вам дать в городе концерт. Пусть в программу войдут произведения и русских и немецких композиторов. Я думаю, вас не смутит такое соседство. Кстати, могу предложить вам совместное исполнение концерта для двух скрипок Баха. Моя скрипка всегда в порядке и всегда готова к действию...

— Как и ваш пистолет? — заметил Гурков.

— Что делать! Ваши друзья — мои враги. Но нам с вами это не должно мешать. Впрочем, я боюсь, что, будучи людьми не очень культурными, они попытаются сорвать ваш концерт. Я убеждён, что их не устроит соседство в одной программе русских и немецких композиторов. Ваши друзья, к сожалению, не имеют отношения к музыке.

Гурков усмехнулся. Знал бы этот «культурный» негодяй, что среди друзей Гуркова пятнадцать человек великолепных музыкантов, которые по вечерам старательно играют в ресторане, на виду у всей публики, разрабатывая планы рискованных диверсий.

— Я думаю, — ответил он, — что мой концерт не обязателен. Вы можете удовлетвориться искусством тех халтурщиков, которые каждый вечер в ресторане наяривают для ваших солдат «Ах, мой милый Августин».

— Однако один из халтурщиков, о которых вы так пренебрежительно отзываетесь, — прищурясь, сказал

Штильке, — частенько ходит по вашей улице под вашими окнами...

— Уж не вы ли его ко мне присылаете? — равнодушно откликнулся Гурков. — Он уже несколько раз предлагал мне принять участие в вечерах ресторанной музыки.

— Так вы согласны с моими предложениями? — не отвечая Гуркову, спросил Штильке и нетерпеливо глянул на часы...

— Нет.

— Тогда сыграйте хотя бы для меня лично. Ведь я ваш коллега. Я с удовольствием послушал бы «Чакону», — улыбаясь, произнес Штильке. — И учтите, от того, насколько точно вы начнёте музицирование, зависит ваше музыкальное будущее. Если вы начнёте в шестнадцать ноль-ноль точно, Германия вашей точности не забудет.

— А если не начну?

— Тогда мне придётся сделать это самому, — едва скрывая торжество, произнёс Штильке. — Шульц! Войдите сюда и послушайте, как я играю Баха.

Шульц вошёл в комнату и вопросительно уставился на майора.

— Публика может проявить большее волнение, — объяснил Штильке. — Я не хотел бы, чтоб это отразилось на моей игре.

Шульц понимающе кивнул и вынул пистолет. Штильке глянул в окно. Машина ефрейтора Вильке уже стояла на углу. Майор подошёл к

столу и взял скрипку Гуркова, лежавшую в футляре. Уверенным движением он поднёс инструмент к глазам и стал разглядывать этикетку.

— Амати? Настоящий или подделка?

Гурков не отвечал. Он глянул на часы. Было без трёх четыре. Сейчас в доме напротив откроется форточка, и после первых звуков «Чаконы» из этого дома выйдет женщина. Она пройдёт с хозяйственной сумкой по улице. Зайдёт в магазин и, выйдя из него другим ходом, через проходные дворы вернётся к дому Гуркова. Зайдёт с чёрного хода. Постучит и...

— Дайте мне скрипку, — чуть поспешней, чем следовало бы, сказал Гурков.

Штильке испытующе глянул на него. «Волнуется, наверное, — подумал он. — А может, что-то замышляет?..»

— Я сам сыграю, — уже более спокойно произнёс Гурков. — А когда я смогу дать в городе концерт?

— Когда угодно, — поспешно произнёс Штильке. — Но сейчас вы должны начать ровно в четыре.

Гурков качнул головой и потянулся за скрипкой.

— Это настоящий «амати», — сказал он неожиданно. — Самый настоящий, прекрасный «амати»! Его ни разу не чинили. Говорят, что когда-то этот инструмент был в руках у самого Венявского и великий скрипач очень хорошо отзывался о его звучании.

— Время! Время! — поторопил его Штильке.

— Да, видимо, настало время, — тихо произнёс Гурков. — Теперь вы знаете, кто создал этот инструмент. Но вам неизвестно, кто его уничтожит...

И прежде чем Штильке успел что-либо сообразить, раздался колкий звук ломающегося сухого дерева...

Ровно в четыре часа в доме напротив услышали звук выстрела.

— **ЗНАЧИТ**, музыкальные инструменты тоже воевали, — задумчиво произнесла Арфа. — Музыканты не остались в стороне.

— Да, — ответила Виолончель. — Знаменитый виолончелист Даниил Шафран сказал во время войны: «Я хочу, чтобы мои руки владели пулемётом не хуже, чем виолончелью». А сколько артистов выступало на передовой линии, буквально под бомбёжкой или артобстрелом, поднимая настроение нашим бойцам!

— А сколько из них не вернулось с войны!.. — тихо сказала Труба. — Я не раз поднимала в атаку солдат.

И все инструменты задумались. Да, у них было не только увлекательное прошлое. Их прошлое было порой героическим. И, конечно, оно было связано с людьми, которые с помощью музыки не только доставляли удовольствие публике, не только несли радость искусства окружающим, но и боролись за судьбу своего народа.

Троя была наконец повержена и разрушена. Великий город лежал в развалинах. Греческие корабли один за другим выходили в море. Позади остались труды и опасности затянувшейся на целых десять лет войны. Но много ещё горестей и бед ожидало греков впереди, по пути на родину, и сам Одиссей — отважный победитель Трои — не подозревал, как много лет пройдёт, прежде чем он ступит на берег своей Итаки, небольшого островного царства у западного побережья Греции.

По пути домой воины Одиссея решили разгромить Измар, прибрежный город племени киконов. Они считали себя вправе сделать это: ведь киконы были союзниками Трои...

Так начались странствия Одиссея и его спутников, полные всевозможных приключений и испытаний. Эти странствия воспел Гомер в своей поэме «Одиссея», являющейся продолжением другого бессмертного творения великого поэта Древней Греции — «Илиады», в которой повествуется о Троянской войне.

«Илиада» и «Одиссея» — это выдающиеся литературные памятники прошлого. Уже два с половиной тысячелетия волнуют они читателей, влекут их к себе, дают им огромное художественное наслаждение.

*Любите искренне Гомера труд высокий,
И он вам преподаст бесценные уроки.*

Так написал крупный французский писатель XVII века Буало.

Об Одиссее обычно говорят как о мифической личности, хотя и добавляют: мифы об Одиссее, наряду с фантастическими, содержат также ряд ценных сведений о Греции древнейшего периода.

Но только ли о Греции? Ведь во время своих морских странствий Одиссей побывал в странах лотофагов и циклопов, царя Эола и людоедов-лестригонов, нимфы Калипсо и волшебницы Цирцеи, провёл свой корабль мимо острова Сирен и между ужасными чудовищами Сциллою и Харибдой...

Неужели всё это — лишь фантазия, плод поэтического воображения?

Вопрос этот не был безразличен ещё древним грекам и римлянам, которые жили всего через несколько столетий после Гомера. (А сам Гомер, как полагают учёные, жил в середине IX века до нашей эры, то есть четыреста лет спустя после описываемых им в поэмах событий Троянской войны, длившейся с 1194 по 1184 год до нашей эры.) Продолжает он глубоко интересоваться и наших современников.

Вот почему за последние десятилетия особенно усилились поиски следов тех мест и тех событий, о которых идёт речь в гомеровской «Одиссее». При этом исследователей вдохновляет пример немецкого учёного-археолога Генриха Шлимана. Скрупулёзно изучив текст «Илиады», он предпринял раскопки на берегу Дарданельского пролива, где, по утверждению Гомера, должна была находиться легендарная Троя. И что бы вы

думали? На возвышенности, называемой ныне Гиссар-лык, учёный раскопал остатки построек нескольких городов! Каждый город сооружался после того, как разрушался предыдущий. Археолог нашёл и город, описанный в «Илиаде», — так называемую Троию-VII. Оказалось, что она действительно была разрушена врагами. При раскопках было найдено много предметов домашнего обихода, оружия, именно таких, о которых упоминает Гомер.

А ведь до сенсационных открытий Шлимана и Троя считалась мифическим городом, существовавшим лишь в воображении поэта!

Почти два десятилетия своей жизни посвятил «хождению» по следам Одиссея английский исследователь Эрл Брэдфорд. В послевоенное время на небольших судёнышках и яхтах он избороздил всю восточную часть Средиземноморья, а потом выпустил книгу о своих открытиях.

Давайте и мы совершим путешествие вслед за Одиссеем и посмотрим, куда приведёт нас его корабль.

Итак, мы оставили героя Троянской войны в тот момент, когда он, выйдя в море на двенадцати кораблях, не поплыл прямо к родным берегам, а решил разделаться с Измаром — городом киконов.

И вот первый для нас сюрприз. Племя киконов, оказывается, на самом деле существовало в древности. Оно жило на южном побережье Фракии, напротив острова Самофракия, который вы без труда отыщете на карте в северо-восточной части Эгейского моря.

Правда, Одиссею не очень-то повезло: застигнутые врасплох киконы быстро пришли в себя, собрали своё разбитое войско, дружно напали на греков и перебили человек семьдесят. Еле-еле удалось грекам столкнуть свои корабли в бушующее море и на вёслах уйти от берега...

Прочитав эту фразу, вы, должно быть, удивитесь: как это — столкнуть корабли в море? А разве они были на суше?

Да, корабли, на которых плавали греки во времена Одиссея, были очень невелики по размерам и примитивны. Беспалубные, осмолённые лодки с десятью вёслами с каждого борта, с одной сосновой мачтой и единственным парусом из папируса или полотна. Они не могли плыть против ветра, а при первых же признаках приближающейся бури мореходы вытаскивали свои корабли на берег, чтобы переждать, пока море успокоится. Вытаскивали они корабли и во время более длительных стоянок...

Сбежав от киконов, корабли Одиссея попали в полосу сильных северных ветров, и их неудержимо понесло на юг. Девять дней играла буря утлыми судёнышками. Паруса были изодраны. Лишь на десятое утро за бесконечно бегущими волнами мореходы различили тёмную полосу твёрдой земли...

Что же это была за земля? Остров Джерба у берегов западной Ливии — говорят современные учёные. Но этот пункт, кстати, довольно единодушно называли ещё и древнегреческие исследователи гомеровской эпохи, жившие за три века до нашей эры.

1. ИТАКА, 2. СТРОЯ, 3. КИКОНЫ, 4. ЛОТОФАГИ, 5. ЦИКЛОПЫ, 6. ОСТРОВ УСТИКА (ЭОЛА), 7. ЛЕСТИГОНЫ, 8. ЦИРЦЕЯ, 9. КИРЭНЫ (ЦИММА И ХАРИБДА), 10. ОСТРОВ ГЕЛИОСА, 11. ОСТРОВ КАЛИПСО, 12. ФЕАКИ.

Остров Джерба и есть страна лотофагов, в которой очутились Одиссей и его спутники после девятидневного скитания по морю.

Недолго, однако, задержались там мореходы. Они сели за вёсла и...

*Далее поплыли мы, сокрушённые сердцем, и в землю
Прибыли сильных, свирепых, не знающих правды циклопов.
Там беззаботно они, под защитой бессмертных имея
Всё, ни руками не сеют, ни плугом не пашут...*

Брэдфорд убедительно доказывает, что Козий остров, к которому причалили греки и который лежал у побережья циклопов, это остров Фавиньяна, у западного побережья Сицилии. Его отделяют от Джербы 280 морских миль.

На другой день Одиссей на своём корабле отправился с Козьего острова к недалёкому берегу, чтобы всё разузнать там. И угодил в пещеру свирепого циклопа Полифема, который сожрал шестерых спутников троянского героя, прежде чем Одиссей, проявив хитрость и ослепив циклопа, выбрался оттуда.

Что здесь от жизни, а что — от фантазии?

«Как и три тысячи лет назад, в этом диком уголке Сицилии свирепствуют бандиты и разбойники», — пишет Брэдфорд, объясняя, откуда мог родиться в воображении поэта образ свирепого циклопа. Когда плавал Одиссей, в ряде районов Средиземноморья ещё сохранилось людоедство, о чём греки могли и не знать.

Что касается гигантского роста Полифема, то нет причин принимать его слишком всерьёз. Эта часть поэмы наверняка обросла легендами. Люди, которые благополучно избежали смертельной опасности, всегда склонны к преувеличениям, когда позднее рассказывают о ней. Это в полной мере относится и к нашим современникам, а не только к древним.

Любопытно, что в старину всё гигантское, очень древнее и потому приписываемое богам либо чудовищам, называлось «циклопическим». Как повествует греческая мифология, циклопы, освобождённые Зевсом из заточения, стали подручными Гефеста, бога огня и кузнечного ремесла, помогая ковать ему молнии и оружие. А поскольку вулканы считались

кузницами богов, то Сицилию с её многочисленными вулканами во главе с могучей огнедышащей Этной исстари называли «островом циклопов», что, конечно, известно было и Гомеру.

Внимательно читая «Одиссею», убеждаешься, что первоисточником эпизода с Полифемом могло быть лишь одно: встреча с рослым и диким жителем Сицилии, вполне возможно — людоедом.

Из гомеровского текста вовсе не вытекает, что циклоп был одноглазым. Прочтите это место и вы увидите, что автор ничего не говорит о Полифеме как об одноглазом чудище, но зато употребляет во множественном числе такие выражения, как «истлели ресницы, шершавые вспыхнули брови», которые скорее свидетельствуют о наличии пары глаз, а не одного. Кстати, древнегреческие артисты, жившие через 3—4 века после Гомера, изображая Полифема на сцене, всегда наделяли его двумя глазами. Лишь гораздо позднее появилась традиция показывать Полифема одноглазым.

И ещё интересная деталь. Один из крупных учёных, специалистов по древнейшей истории, называет циклопов «знаменитыми кузнецами, культура которых проникла на Сицилию и которые, возможно, имели посредине лба вытатуированное изображение глаза в качестве родового знака»...

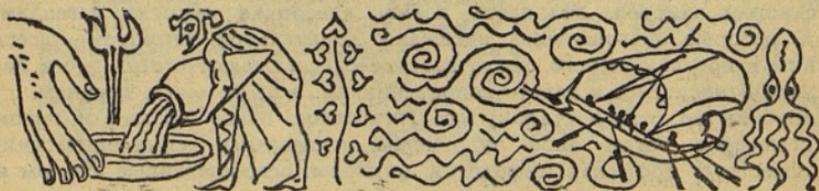
А дальше на пути Одиссея оказались остров Эола и страна лестригонов. Остров Эола — это небольшой одинокий островок Устика в Тирренском море, к северу от Сицилии, зелёный и плодородный. Он отдан на волю всем ветрам: широко катит на него огромные волны с востока, западный ветер гонит грохочущие водяные валы от самых испанских берегов, а ветры, дующие с севера, не встречают на пути к острову никаких препятствий. Так было три тысячелетия назад, так остаётся и сегодня. Не потому ли Гомер назвал остров именем божественного Эола — повелителя ветров?..

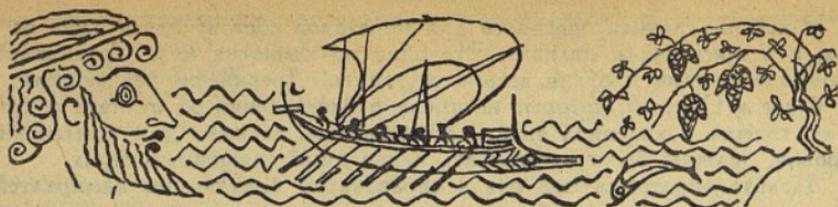
*Денно и ночью шесть суток носясь по водам, на седьмые
Прибыли мы к многовратному граду в стране лестригонов.
В славную пристань вошли мы: её образуют утёсы,
Кругом с обеих сторон подымаясь и сдвинувшись подле
Устья великими, друг против друга из тёмные бездны
Моря торчащими камнями, вход и исход заграждая...*

Описание Гомера с большой точностью воспроизводит естественную гавань в южной части острова Корсика, — ту, где ныне находится порт Бонифачо, — и подходит только к ней и ни к какой другой гавани в радиусе шести суток пути на вёслах от Устики. Именно там флотилия Одиссея угодила в смертельную западню, из которой смог вырваться лишь один корабль — корабль самого Одиссея, и то лишь потому, что не входил в гавань:

*Я же свой чёрный корабль поместил в отдаленье от прочих,
Около устья, канатом его привязав под утёсом.*

Людоеды-лестригоны напали на флотилию, запертую в гавани, и забросали её камнями с высоты окружающих скал.

О том, что Корсика была заселена задолго до визита Одиссея, свидетельствуют раскопки, проведённые на острове, и вполне возможно, что в одиссеевы времена её жителями были канибалы...

С достаточной точностью определяются и следующие пункты, в которые судьба забрасывала Одиссея, прежде чем он вернулся на родную Итаку. Остров Цирцеи (Кирки) — это полуостров (чего не мог с полной точностью знать Одиссей) на итальянском побережье, в 180 милях от Бонифачо. Ещё древнегреческий учёный Страбон не имел на сей счёт ни малейшего сомнения и писал, что «остров Цирцеи лежит между болотами и морем и есть потому в самом деле островом». А современный справочник британского адмиралтейства свидетельствует: «Гора Цирцея является одинокой скалистой возвышенностью, покрытой скупой растительностью. Предгорье соединяется с основной сушей плоским низменным участком земли, а наблюдаемое с северо-запада, выглядит оно как высокий конусообразный остров с крутой вершиной».

Цирцея была волшебницей и богиней, повелительницей зверей. В том, что Гомер присваивает ей такие титулы, ничего удивительного нет. Жрецы и жрицы, наделённые «волшебными чарами», составляли неотъемлемую часть религии древних. Что же касается божественности Цирцеи, то ведь и в более поздние времена правители — цари, короли, князья, императоры — не только величали себя посланцами бога, его представителями на земле, но нередко и провозглашали себя богами или сынами богов (например, Александр Македонский), требуя соответствующих почестей и поклонения...

Выражение «между Сциллой и Харибдой» стало крылатым и вошло во многие европейские языки. Оно соответствует русской поговорке «меж двух огней», то есть между двумя одинаково большими опасностями.

Сцилла и Харибда — два ужасных чудовища, хищно подстерегающие мореплавателей. Отпуская Одиссея и его спутников со своего острова, где они прожили год, Цирцея предупредила их, что прорваться между Сциллой и Харибдой будет очень и очень трудно, возможно, это потребует даже человеческих жертв. Так оно и случилось на самом деле.

Учёные — как древние, так и современные — в вопросе о том, где находились Сцилла и Харибда, весьма единодушны и указывают на единственное место в Средиземном море, полностью отвечающее описанию Гомера: это — Мессинский пролив, который отделяет Италию от Сицилии. Справочник Британского адмиралтейства, выпускаемый в наше время, предупреждает мореходов, что «течения и водовороты, знаменитые ещё в древнейшие времена, требуют определённой осторожности при прохождении пролива, более того, вблизи крутого берега корабли с каждой из сторон подвержены действию шквалов, которые способны обрушиваться с такой силой и неожиданностью, что создают серьёзные трудности даже для паровых кораблей...»

Но если уж паровые корабли, проходя через Мессинский пролив, да в наши-то дни, должны остерегаться, то что говорить о судёнышке Одиссея, отданном на милость всем течениям и водоворотам?

И всё же главная опасность для мореходов состоит здесь даже не в этом, а в приливах и отливах. Это одно из немногих мест Средиземноморья, где прилив и отлив весьма ощутимы. Древние мореплаватели, в том числе и Одиссей, которые не имели представления об отливах и приливах, то есть о явлениях вполне естественных, скажем, для британских островов, должны были испытывать перед ними священный страх.

Давайте обратимся ещё раз, к справочнику британского адмиралтейства и прочтём в нём такое место:

«Дважды в течение каждого лунного дня уровень воды достигает наибольшего спада к северу, а дважды — к югу. Хотя разница уровней невелика — самое большее один фут (то есть тридцать сантиметров), — однако происходит это на таком коротком отрезке, что порождает течение, имеющее скорость до четырёх узлов (то есть четыре морских мили — более семи километров в час). Наибольшей силы оно достигает там, где пролив особенно узок и неглубок — между Пунта Пеццо и Ганцирри».

Так вот Пунта Пеццо находится на итальянской стороне пролива, возле деревни, которая до сего дня называется Сцилла, а сицилийская деревушка Ганцирри лежит чуть севернее Мессины, на берегу, возле которого образуется самый мощный водоворот, называющийся и ныне Харибдой.

Сцилла (или Скилла), разбивающая корабли, и Харибда, поглощающая их («Страшно всё море под тою скалою тревожит Харибда, три раза в день поглощая и три раза в день извергая чёрную влагу...»), — вот две невыдуманные смертельные опасности, которые подстерегали лёгкий корабль Одиссея в Мессинском проливе. Гомер лишь облёк их в поэтическую форму.

ТОЛЬКО после десяти лет скитаний по Средиземному морю удалось Одиссею вернуться в родную Итаку. Только четыре столетия спустя были созданы «Илиада» и «Одиссея». Но какими бы фантастическими ни казались они нам, всё же родились они на твёрдой почве реальных событий и реальных явлений, которые были обращены затем в яркие поэтические образы, в сказочные персонажи, впрочем, столь же реальные для древнего грека, как и живые люди.

Поэма о странствиях Одиссея — это своего рода исторический репортаж, доносящий до нас мироощущение и мировосприятие тех, кто на заре человечества познавал окружающий мир со всеми его бесчисленными опасностями и непонятностями.

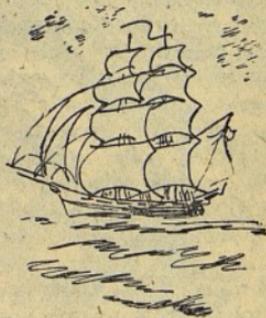
Нет фантастики, так сказать, в химически чистом виде. Любая, самая изощрённая фантазия в конечном итоге обеими ногами опирается о землю.

Вл. САШОНКО
Рис. Г. Моисеевой.

На паруснике

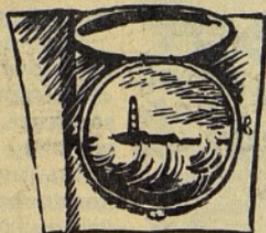
Слежу я, неуклюжий и неловкий,
Как в небе над моею головой
Матрос на солнце лезет по верёвке,
Стянув на бёдрах пояс страховой.
Вот взлезет он, передохнёт устало,
Посмотрит на меня издалека,
Потом расправит медные суставы
И с грохотом раскроет облака.
И я, его беспомощный попутчик,
Внизу ему завидую слегка.
Так рыбы, что глаза в глубинах пучат,
Завидуют, наверное, летучим,
Хоть их полёт — не более прыжка.

* * *

В моей каюте всё закреплено,
Чтоб ничего при качке не болталось.
Под нарезными толстыми болтами
Одето медью круглое окно.
Рундук и стол привинчены к стене.
В литой трубе нагретый взвешен воздух.
Укреплены стаканы в узких гнёздах,
Чтобы стекло не билось на волне.
Здесь всё найдёшь на ощупь в темноте.
Не страшен шторм суровому уюту.
Вот так стихи бы делать, как каюту, —
В скрупулёзной необходимой простоте!

Рис. А. Курушина

НА КАРТЕ земного шара нет уже белых пятен. И, вроде бы, свою планету человек изучил основательно. Уже нет ничего таинственного в знойных раскалённых пустынях, самые высокие горные вершины склонили свои седые головы перед упорством и настойчивостью людей, пройдены самые «непроходимые» лесные дебри и покорены полюсы.

Но нет, не все тайны ещё раскрыты!

Пожалуй, больше и дольше всех сопротивляется жажде человеческих знаний океан, его глубины.

Взгляните ещё раз на карту. Почти 71 процент поверхности нашей планеты покрыт водами Мирового океана. Грохочут, перекачиваясь, могучие волны. И лежит под нами огромная, молчаливая глубина. Таинственная, неизведанная.

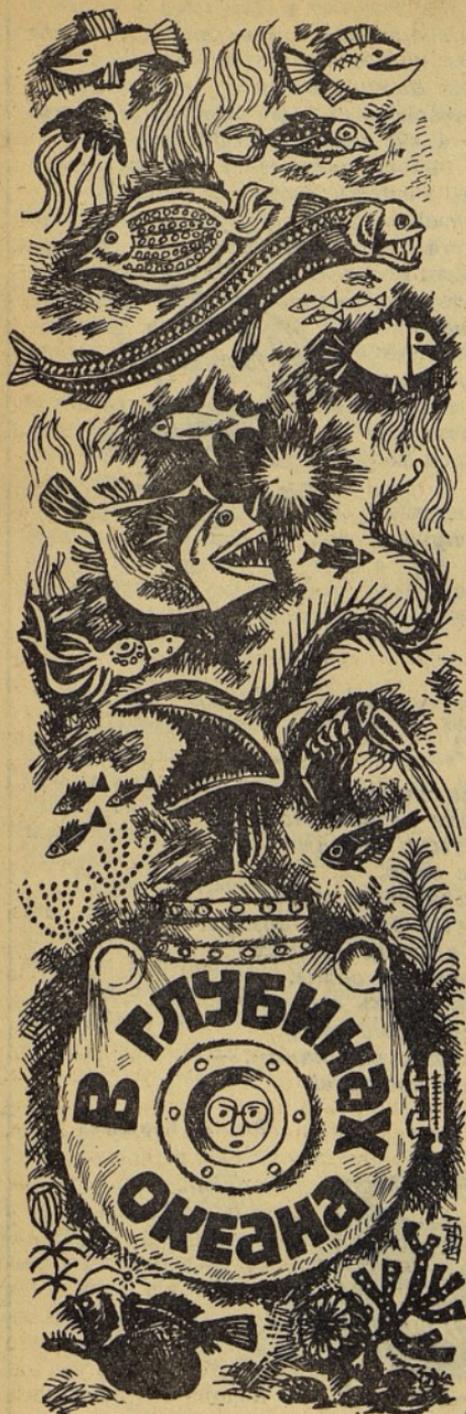
Ещё сравнительно недавно, в прошлом веке, французский путешественник Пэрон писал: «Жизни на дне океанов нет, так как дно океана покрыто льдом». Прошли годы, и другие учёные доказали, что это не так. Есть жизнь в океанских глубинах! Правда, условия для неё там тяжёлые: вечный мрак, вечный холод и громадное давление, в тысячи раз превышающее то, что есть на поверхности.

Каким же образом живут там эти удивительные «глубинники»? Возьмём сначала вопрос о давлении.

Ведь чем глубже опускаешься в океан, тем большая толща воды будет давить на тебя. В конце концов и совсем раздавит? Человека без специального снаряжения — да. А глубоководных рыб — нет.

Дело в том, что сама вода обладает очень малой сжимаемостью. «Глубинники» этим и воспользовались. В организмах глубоководных животных содержится очень много воды. Она-то и уравновешивает давление. Получается, что вроде вода давит на воду — и жить можно!

Ну, а вечный холод?

Тоже не так уж страшен. Исследования учёных-океанологов показали, что на глубине от 1500 до 3000 метров температура держится на уровне 2 градусов тепла. Между 3000 и 4000 метров она понижается до плюс 1,5 градуса. А глубже — вновь повышается и на глубине 10 000 метров снова доходит до 2,5 градуса тепла.

Не жарко, конечно, но жить опять-таки можно. При соответствующей «закалке».

Что остаётся? Царство вечной тьмы?

Да, в море дневной свет проникает только до глубины 400—500 метров. Дальше начинается непроглядная ночь.

Но вот что рассказывает ихтиолог Тем-Ван, спутник одного из погружений американца Биба, первого в мире достигшего километровой глубины:

«Темнота и вспыхивающие огни смешались в моих глазах, они поглощали друг друга; временами казалось, что я совершаю полёт в небесные миры на какой-то не изобретённой ещё машине с огромной скоростью. То вдруг появится и исчезнет звезда, то сверкнёт молния, то покажется большое небесное тело, и вдруг всё это потухает, гаснет, как метеор, ворвавшийся в наш воздушный океан».

Значит, и темнота в глубинах не вечна. Одно время учёные полагали, что у обитателя глубин органы зрения вообще отсутствуют, отмерли за ненадобностью. Чего же разглядывать в темноте? И действительно, у некоторых рыб, пойманных на больших глубинах, глаз, по сути дела, нет. Однако дальнейшие исследования показали, что слепых рыб на глубине значительно меньше, чем зрячих. «Как же так? — скажете вы. — Света на глубинах нет, зачем же им глаза?»

Дело тут в том, что у многих обитателей глубин развились органы свечения — одно из самых оригинальных приспособлений организма к условиям жизненной среды. Значит, есть в океане и то, что

нужно видеть и в непроглядной тьме!

Значит, можно жить и в больших глубинах.

И знаете что: глубоководная жизнь, как это ни странно, имеет даже некоторые преимущества по сравнению с обитателями верхних слоёв океана.

Поверхностным обитателям часто приходится совершать длительные, утомительные перемещения: в поисках пищи, для выведения потомства. Да и окружающая их среда сильно меняется не только в течение года, но и в течение суток. То штиль — то шторм. То солнце греет — то ветер с полюса принесёт холод.

От всего этого обитатели глубин избавлены. Круглый год живут они в одинаковых условиях.

Но что же это за рыбы такие? Вот некоторые из них.

У халиодуса есть ещё другое имя — «саблезубая рыбка». В длину он всего 15 сантиметров, зато зубы у него — настоящие «сабли»: они натканы в челюстях в полном беспорядке, и некоторые из них такие длинные, что и во рту не помещаются — выступают наружу даже при закрытой пасти.

Халиодус рыбёшка ещё относительно спокойная. Не то что хиасмодус. Того так и зовут: «чёрный живоглот». Размером он тоже невелик: всего 15—20 сантиметров длиной. Но посмотрите, что происходит! Плывёт по глубине большая, почти полуметровая рыбина. Плывёт себе и плывёт. Вдруг откуда ни возьмись — хиасмодус. Метнулся молнией навстречу. Пасть его невероятно раскрывается, раскрывается. Мгновение — и голова огромной рыбины оказывается в пасти «чёрного живоглота». Завязывается борьба. Все попытки рыбины сбросить с себя это маленькое чудовище тщетны. Проходит некоторое время, и только непомерно раздувшийся живот хиасмодуса напоминает о недавнем поединке. Жаден этот «чёрный живоглот». Случается, что так он «пообедает».

такую рыбину «проглотит», что и сам — по швам...

А вот макрофаринкс. Относится он к угребразным, хотя внешне мало чем напоминает наших угрей. Голова его похожа на воронку, расположенную раструбом книзу. Крышкой этой воронки служит нижняя челюсть, густо усыпанная зубами. Макрофаринкса иногда так и называют: «плавающая пасть». Есть у него и глаз. Правда, он малюсенький-малюсенький!.. Но зато расположен... на кончике носа.

Многим из вас, очевидно, доводилось ловить рыбу на удочку. Но, вероятно, не все знают, что и сами

рыбы прибегают к такому способу лова. Это «рыбы-удильщики». Один из таких «удильщиков» — лазиогнатус — внешне больше всего похож на корягу. Но на голове у него есть «лампочка», которая приманивает рыб, а рядом — длинный отросток с крючком на конце. Подплывёт к нему рыба — и на крючке!

Много разных чудес в глубинах океана. Много ещё нераскрытых тайн хранят они. Кто знает, возможно, кому-нибудь из вас и доведётся открывать их.

Ф. КОНТОРОВИЧ, инженер-океанолог

Рис. А. Курушина

Один на льдине

Каждый год, когда начиналась охота на тюленей, Армас Толса отправлялся в Баренцево море. Добирался с сыновьями до кромки ледового поля, оборудовал временное жильё. Каждый день за десятки километров уходили отсюда финские охотники на поиски зверя.

Однажды Толса не вернулся...

Сначала он попросту заблудился в тумане. Следуя по компасу к месту стоянки, он вдруг услышал грохот трескающихся льдин. Толса ускорил шаги, пытаясь достичь лагеря до начала подвижки льда. Но не успел. Льдина, на которой он находился, оторвалась от ледового поля и начала медленно дрейфовать на север в открытом море...

Прошли сутки. Толса ни на минуту не оставался без движения: ходил от одного края льдины к другому. Боясь уснуть, он отдыхал стоя, обхватив голову руками. На второй день Толса подстрелил утку и съел её. На третий день случилось непредвиденное: Толса упал в воду. С трудом удалось ему вновь забраться на льдину. Но стоять на ней в промокнутой одежде!.. Толса сбросил с себя всё, до нитки. И снова стал бегать по льдине.

Между тем сыновья охотника забеспокоились, сообщили об отсутствии отца морским властям. В море был послан ледокол, вылетели самолёты. Вскоре с одного из них заметили человека на дрейфующей льдине — в двухстах километрах от ледового поля! Армас Толса пробыл на ней свыше пяти суток, из них более 10 часов совершенно раздетым.

Вертолёт доставил охотника в госпиталь. Трое суток Толса спал, а на четвёртые вновь отправился на охоту.

По морям, по океанам

ИНОСТРАННЫЙ ЮМОР

— Ну, как дела, Олив? Твой брат всё ещё на флоте?

— Нет, что ты!.. Его списали с корабля за то, что он привык спать с открытым окном.

— Разве это причина для увольнения?

— Конечно! Он ведь служил на подводной лодке.

Новобранца на занятиях спрашивают:

— Какие вы знаете моря?

— Чёрное море, Белое море, Жёлтое море и Красное море, — отвечает тот.

— А теперь покажите их по карте.

— Не могу, сэр, я не различаю цвета!

«Дорогая мама, — пишет молодой матрос. — Я пошёл служить на флот из-за того, что мне всегда нравились чистота и порядок на кораблях. Но только теперь я узнал, кто всё это делает...»

Боцман окликает забравшегося в кубрик матроса:

— Эй, кто там?

— Это я, сэр, Билл, — послышалось в ответ.

— Что ты там делаешь?

— Ничего, сэр.

— А что, Джон тоже там?

— Да, сэр, — отзывается Джон.

— А ты что там делаешь?

— Помогаю Биллу, сэр.

СМЕХ ДЛЯ ВСЕХ

В мореходной школе идёт экзамен. Капитан-экзаменатор спрашивает курсанта:

— Что вы сделаете, если ваше судно попадёт в шторм?

— Я брошу якорь, мой капитан.

— А если налетит ещё один шторм?

— Я брошу другой якорь.

Так они и продолжали: капитан посыла судну штормы, а курсант бросал якоря. Наконец капитан потерял терпение:

— Однако где же вы возьмёте столько якорей?

— А где вы возьмёте столько штормов, мой капитан?

Молодой человек пришёл наниматься в английский флот.

— Вы хотите служить на флоте?

— Да, сэр.

— А умеете ли вы плавать?

— Я думал, что для этого на флоте есть корабли, сэр.

Водолаз, работающий на дне, получает сообщение по судовому телефону:

— Алло, алло! Немедленно поднимайся вверх! Скорее! Наше судно тонет.

Хирург военного корабля обычно прописывал матросам пить морскую воду от всех болезней.

Однажды он купался и утонул.

На следующее утро капитан спрашивает дневального:

— Где наш врач?

— Сэр, он утонул прошлым вечером в своём любимом лекарстве.

САМЫЙ первый русский пароход был спущен на воду в 1815 году. Назывался он в честь императрицы «Елизавета» и совершал регулярные рейсы между Петербургом и Кронштадтом.

САМОЕ большое количество груза перевозится морским транспортом. На его долю приходится 75 процентов всех транспортируемых в мире товаров.

САМЫЕ первые в истории мореплавания якоря появились на флоте древних греков в 332 году до нашей эры.

САМЫЙ громадный в мире танкер водоизмещением 312 тысяч тонн построен в японском городе Нагасаки. Он имеет длину 346 метров, высоту от ватерлинии 32 метра и может принять на борт почти 400 тысяч кубометров сырой нефти.

САМОЕ оживлённое на земном шаре место морского судоходства пролив Ла-Манш.

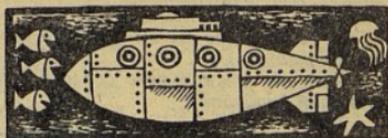
САМОЕ большое в мире судно на подводных крыльях строится на одной из верфей Норвегии. Оно сможет брать на борт 250 пассажиров или 150 пассажиров и 8 легковых автомашин. Судно будет курсировать через пролив Каттегат между Гётеборгом и датским побережьем.

САМЫЙ первый в мире ледокол был создан в 1864 году кронштадтским купцом М. Бритневым путём перестройки носовой части буксира «Пайлот» таким образом, что судно могло вползать на лёд и ломать его своей тяжестью.

САМОЕ большое парусное судно — длиной 132 метра и шириной около 17 метров — было построено в конце XIX века на одной из верфей США. Судно имело семь мачт с парусной оснасткой, составлявшей чуть ли не четыре тысячи квадратных метров.

САМЫМ древним бассейном мореплавания историки считают Индийский океан, а самыми древними средствами для преодоления водных просторов — плоты или лодки из связок тростника.

САМОЕ крупное в мире научно-исследовательское судно — это советское судно «Космонавт Владимир Комаров»: его водоизмещение 17,5 тысячи тонн, длина 140 метров, ширина 20,6 метра. В последние годы научные сотрудники проводят на этом судне исследования верхних слоёв атмосферы в Атлантическом океане.

САМАЯ первая в мире подводная лодка — мезаскаф, предназначенная для подводного туризма, создана Жаком Пикаром. Длина лодки 30 метров, вес 160 тонн, скорость 5 узлов. Она вмещает 40 пассажиров и может погружаться на глубину до 100 метров.

СОБРАЛ В. КОЗИЦКИЙ

НАРОДНАЯ СКАЗКА СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИХ НЕГРОВ

В общем, никто не знает, почему его так звали. Это ведь был обыкновенный человек. Правда, у него были большие ноги, большие руки, широкие плечи, большая голова, но всё же он был таким, как все. Если, конечно, не считать того, что он умел шить башмаки, растить хлопок, управляться с упрямыми лошадьми, делать корзины, ловить птиц и ещё многое другое, о чём мы и понятия не имеем.

Большой Полтинник работал на белого хозяина. Откровенно говоря, белый хозяин не был белым, а был рыжим, как берёзовый лист осенью.

Большой же Полтинник был чёрный, как самая плодородная земля, и свергал на солнце, как озёрная вода в ясный день.

Хозяин завидовал его красоте и силе. А зависть ни к чему хорошему не ведёт.

Решил белый хозяин известить Большого Полтинника. Он позвал его к себе и говорит:

— Послушай ты, Полтинник, или как там тебя зовут! Вон видишь гору?

— Вижу, господин, — ответил Большой Полтинник.

— Так вот, возле этой горы — болото. Иди-ка засыпь его. Да живей шевелись. Иначе будет тебе плохо!

— Слушаюсь, господин, — сказал Большой Полтинник и пошёл к болоту.

Обошёл он со всех сторон болото. Посмотрел. Подумал. Затем схватился за гору двумя руками и оторвал её от земли, а оторвав, подкинул её в небо двенадцать по двенадцать раз — этого ещё никто никогда не делал — и бросил гору на болото. Гора рассыпалась и завалила болото, да так, как будто и в помине его не было.

Вернулся Большой Полтинник к хозяину и сказал:

— Я выполнил ваше приказание, господин. Нет больше болота.

— Неужели тебе удалось завалить болото землёй? — удивился хозяин. Это он напоказ удивился, а на самом деле сильно испугался.

— Ну так я тебе прикажу что-нибудь потруднее сделать. Вот что! У меня на лугу пасётся пара хорошеньких лошадок. Что-то давно я их не видел. Иди и приведи их сюда.

А надо сказать, что эти хорошенькие лошадки были совсем не хорошенькими, а злыми и упрямыми животными, которых ещё никто не смог приручить. Они даже к себе близко не подпускали.

Большой Полтинник взял две уздечки, охапку сена и пошёл на луг. Там действительно паслись две огромные лошади. Они были выше деревьев и страшные, как густой лес ночью. Всю траву, что росла на лугу, они давно съели и сейчас копытами рыли землю. Увидев Большого Полтинника, лошади грозно заржали и, стуча копытами, понеслись на него. Но Большой Полтинник ни капли не испугался. Он бросил охапку сена на землю перед собой. Страшилища с жадностью накинулись на сено. А в это время Большой Полтинник взнуздывал их и потащил.

Лошади стали кусаться и лгаться. Они вставали на дыбы и ужасно храпели. И разорвали уздечки. Ещё бы им не разорвать тоненькие ремённые уздечки!

И что тогда сделал Большой Полтинник? Верьте не верьте, а он взял одну лошадь под мышку справа, другую — слева и так их принёс к дому хозяина.

Покраснел хозяин. По-настоящему испугался. Даже усы у него от страха задёрнулись. «Эге-ге, — думает он, — видно, не простой это негр. Надо бы его к нечистой силе послать!» А вслух и говорит:

— Неплохо ты дело знаешь, Полтинник. Но вот говорят, что в мире водится нечистая сила. Что это такое и для чего — никто не знает. А мне хотелось бы взглянуть на неё. Вот ты и доставь мне её сюда.

— Слушаюсь, господин, — ответил Большой Полтинник, — только дайте мне большой молоток и острую лопату, а я уж постараюсь добыть нечистую силу.

Дал ему хозяин большой молоток и острую лопату, а сам хихикает. Думает: «Ни за что не справиться Большому Полтиннику с нечистой силой».

Вышел Большой Полтинник на луг, что был перед домом, и начал копать землю. День копает, другой копает. Ничего нет. Одна земля да глина. Не сдаётся Большой Полтинник. Копает дальше.

Целых сто дней копал он и всё-таки докопался до того места, где нечистая сила жила.

Постучался Большой Полтинник в дверь. Из-за двери голос:

— Кто там?

— Это я.

— Кто это я?

— Я.

— А разве есть такое имя «Я»?

— Нет.

— Тогда, кто же там?

— Я.

— Фу ты пропасть! Да кто ты такой «Я»?

— Я и я.

— Придётся, видно, на тебя взглянуть, — тяжело вздохнула ленивая нечистая сила. Подошла она к двери и выглянула. А Большой Полтинник раз! — и стукнул её молотком. В мешок бросил и полез наверх.

Вылез он на землю, а там его уже хозяин дожидается.

— Ну что? Принёс? — спрашивает.

— Принёс! — отвечает Большой Полтинник.

— Где же?

— А вот здесь!

Большой Полтинник развязал мешок и вытряхнул перед хозяином нечистую силу. Ох, и страшная была нечистая сила! Грязная, ужас! Хозяин посмотрел, посмотрел, упал и с испугу умер.

Большой Полтинник кинул нечистую силу в яму, которую выкопал, чтобы достать её, и пошёл своей дорогой.

Не стало хозяина. Стал свободным Большой Полтинник.

С тех пор он ходит по нашей стране и по всему миру. Где он появляется, там негры становятся свободными, а хозяева убегают в страхе.

Пересказал И. СЕРГИЧ

В. ФЕТИСОВ

У т р о

Заелла полоса
Зазвенели голоса.
Налилась огнём роса.
Просыпаются леса.

Шмель запел.
Бельчонок вылез.
Птицы в воздух поднялись.
Все в лесу росой умылись
и за дело принялись.

...экипаж папирусного судна «Ра», на котором совершает плавание по океану Тур Хейердал, интернационален? Он состоит из 7 человек: норвежец доктор Хейердал — руководитель экспедиции, американец Норман Бейкер — штурман, мексиканец Рамон Браво, итальянец Карло Маури, африканец Джибрине Абдулла и наш, русский, Юрий Сенкевич — врач.

...судно «Ра» строилось почти два месяца, под руководством африканца Джибрине Абдулла, родом из Чада? Папирус связывали верёвками в секции диаметром 70 сантиметров. Четыре таких секции составляют борт судна. Длина «Ра» 15 метров 70 сантиметров, ширина 5 метров. Грузоподъёмность 12 тонн. Судно пойдёт под парусом. Никаких моторов на нём нет.

...в отношении еды экипаж «Ра» надеется на рыбную ловлю? На судно взяты только корзинки с солониной, сухие фрукты, арабские сушёные лепёшки, оливковое масло, а также 150 глиняных амфор, в каждой из которых по 10 литров пресной воды.

...первому русскому морскому уставу исполнилось 300 лет? В 1667 году в приволжском селе Дединово началось строительство первого русского парусного военного корабля. 26 апре-

ля 1669 года был спущен на воду 22-пушечный корабль «Орёл». Его капитану Бутлеру и был вручён морской устав, разработанный одним из образованных и видных деятелей того времени А. Л. Ордын-Нащёкиным. В 1720 году при создании Петром I большого флота появился новый военно-морской устав, вошедший в себя все основные положения первого морского устава. Действует он и по сегодняшней день.

...многие морские животные очень музыкальны? Вокальные способности тюленей поражают исследователей. Однажды группе тюленей спели фразу из на-

родной песни жителей Гебридских островов. Один из тюленей быстро «отозвался» — чистым контральто повторил мелодию.

...советские исследователи Антарктиды обнаружили гигантский айсберг в море Носмонавтов? Его площадь — 7 тысяч квадратных километров, высота — 40 метров, а осадка — 250 метров. Полярники считают, что за время дрейфа он прошёл путь в 1600 километров.

...мост из... фанеры построен на реке Выюн в нашей области? Пролёт ме-

ста — 17 метров, ширина — более 7 метров. Стойки моста, сделанные из фанерных труб с металлическими тяжами внутри, оказались прочными и экономичными.

...в озере у села Езерово (Варненский округ, Болгария) найдена лодка, которой... 4 тысячи лет? По предположениям учёных, она относится к бронзовой эпохе. Длина лодки 4 метра, ширина 48 сантиметров. Древняя лодка обнаружена недалеко от старинного жилища на сваях, на глубине 9 метров.

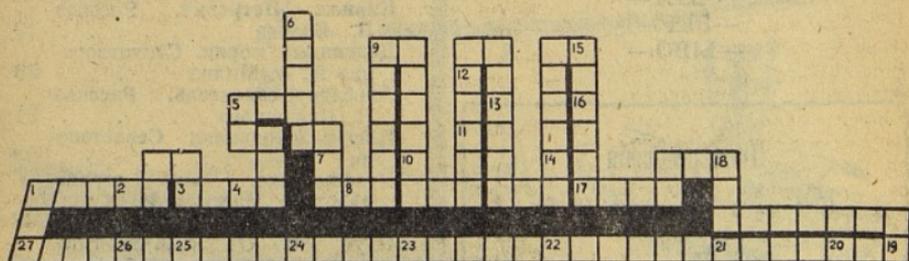
...на греческом острове Хиос в Эгейском море учёные-палеонтологи обнаружили скелет доисторического мамонта, возраст которого исчисляется в 20 миллионов лет? Это уникальная находка в Европе, представляющая исключительный научный интерес.

...при разделке кашалота, доставленного на плавбазу «Юрий Долгорукий», обнаружен кусок амбры весом 150 килограммов? Амбра — очень ценное сырьё для парфюмерной промышленности и оценивается на вес золота. За 8 лет существования флотилии моряки ни разу не добывали такого большого «самородка» амбры. Редкая удача!

1. Опорный пункт, место ремонта и снабжения кораблей Военно-Морского Флота. 2. Кольцевидный коралловый остров. 3. Отверстие в палубе для прохода в подпалубные помещения. 4. Остов корабля — сооружение из набора и обшивки без рангоута, двигателей и прочих деталей судовых устройств. 5. Сигнал. 6. Барометр. 7. Палуба. 8. Класс военно-мор-

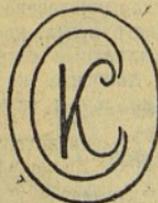

ских кораблей. 9. Военный корабль, ведущий самостоятельные боевые действия на морских и океанских коммуникациях. 10. Наклон бортов кнаружи. 11. Мореходный прибор для определения скорости хода корабля. 12. Лёгкая, узкая и довольно длинная шлюпка. 13. Небольшой деревянный бочонок, сплюснутый сверху и снизу. 14. Треугольный передний парус. 15. Металлическое кольцо в стенке причала для швартовки малых судов. 16. Площадка на мачте. 17. Получасовой промежуток времени на корабле. 18. Область повышенного атмосферного давления, характеризующаяся преобладанием ясной погоды. 19. Оконечность рангоутного дерева — мачты, реи. 20. Чугунная или деревянная тумба для крепления швартовов. 21. Все снасти на судне. 22. Книга для записей вахтенного офицера. 23. Крупный эскадренный миноносец. 24. Уступ на днище глиссирующего (скользящего) судна. 25. Старинное парусное судно, явившееся

прообразом линейных кораблей. 26. Узкий, извилистый, вдающийся в берег залив. 27. Гребная лодка на Днепре для перевозки грузов, завоза якорей и др.

ЗНАМЕНИТЫЕ КОРАБЛИ

Разгадав эти маленькие ребусы, вы прочтёте имена кораблей, неразрывно связанные со славной историей русского флота.

ЗАДАЧА БУКВ

Замените чёрточки буквами, получив соответственно семь пятибуквенных слов. Слова нужно выбирать так, чтобы из первых и из последних букв их сложились названия двух произведений великого русского писателя.

—АМП—
—РМА—
—ОЛО—
—НДИ—
—АПА—
—ЗЕР—
—ЫВО—

Проверь себя

(Ответы к «Искорне» № 6)

КРОССВОРД

По горизонтали. 1. Спиртовка. 8. Таран. 9. Пикап. 10. Ока. 13. Орда. 15. Бард. 16. Рифма. 17. Тина. 19. Холм. 21. Мак. 23. Лапта. 24. Азарт. 25. Крестовик.

По вертикали. 2. Парад. 3. Руно. 4. Оспа. 5. Кукла. 6. Строитель. 7. Спидометр. 11. Кофта. 14. Ара. 15. Бах. 18. Напор. 20. Окапи. 21. Марс. 22. Камо.

КТО ТУТ ЛИШНИЙ?

На рисунке — гриф, лягушка, журавль, слон, пингвин, скат, парусник. Все эти животные, за исключением пингвина, имеют «тёзок» среди вещей, сделанных руками человека: гриф музыкального инструмента, колодезный журавль, шахматный слон и т. д. И только у пингвина нет «тёзки». Следовательно, он и есть «лишний».

ХИТРЫЙ РЕБУС

До + Ми + но(ты) = домино.

Содержание

Где кончается земля. Стихотворение В. Суслова	1
Буй несветящий. Рассказ Г. Борисова	3
Море. Стихотворение А. Ельянова	13
Мушкель-колотушкель. Рассказ С. Сахарнова	14
Порт Фель. Стихотворение С. Когана	17
Русская семафорная азбука	18
Кирилл Петрович. Рассказ П. Белова	19
Деловитый моряк. Стихотворение А. А. Милна	29
Альбатрос-спаситель. Рассказ Н. Пилюцкого	31
Пишут школьники Севастополя	34
Путешествие по стране «Июль». Рассказ Н. Сладкова	37
Клуб МИ. Очерк Арк. Клёнова	42
Где странствовал Одиссей? Статья Н. Сашонко	47
На паруснике. «В моей каюте всё закреплено». Стихи А. Городничкого	53
В глубинах океана. Статья Ф. Конторовича	54
Истории разных широт	16, 30, 33, 56
Смех для всех	57
Самое, самое, самое	58
Большой Полтинник. Сказка североамериканских негров	59
Пёстрые заметки	61

Клуб смекалистых ребят	63
На 1-й странице обложки рисунок художника В. Адаева: «Держись, вперёдсмотрящий.»	
На 2-й странице обложки фотоэтиюд О. Макарова: «Моряки.»	
На 3-й странице обложки рисунок художника П. Вискова: «Узнай, какие это корабли?»	
На 4-й странице обложки рисунок художника В. Адаева: «Ночь в порту.»	

Редактор В. Л. БИАНКИ

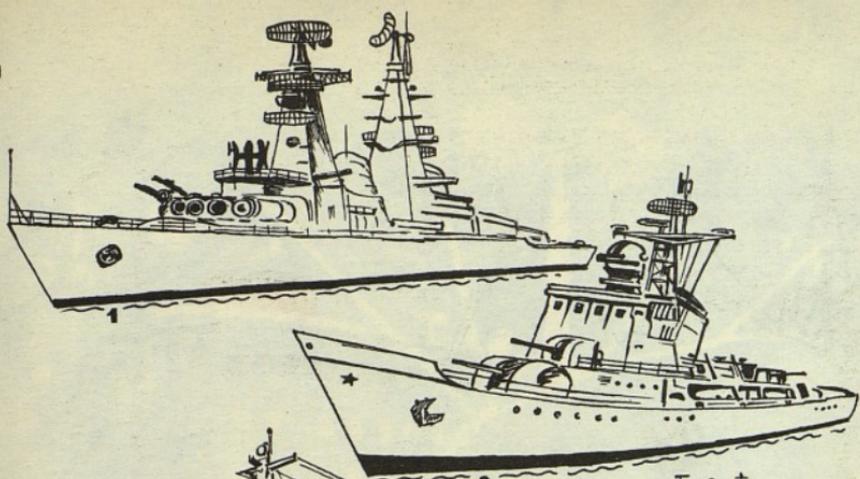
Адрес редакции: Ленинград, Д-23, Фонтанка, 59, комн. 115

Сдано в набор 20/V 1969 г.

Подписано к печати 8/VII-1969 г. 4 печ. л.

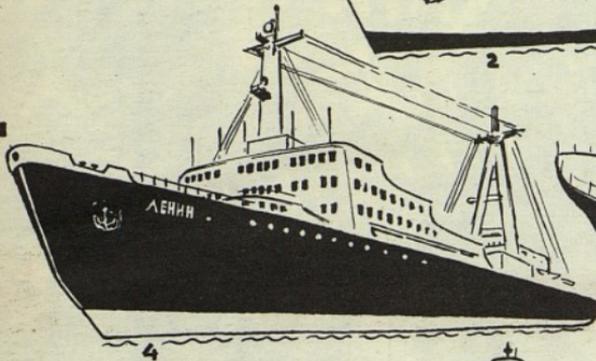
М-34635. Заказ № 662. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Цена 10 коп. Тираж 75.000 экз.

Типография им. Володарского Лениздата, Ленинград, Фонтанка, 57.

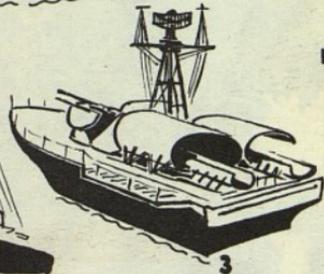

1

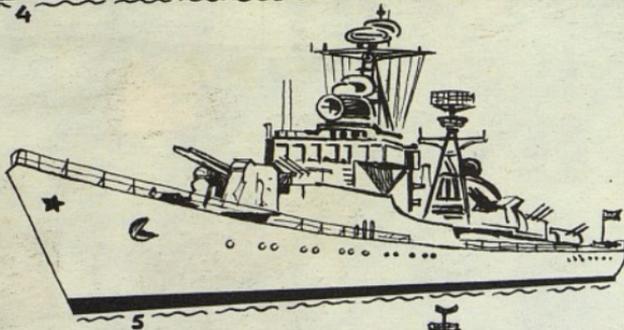
2

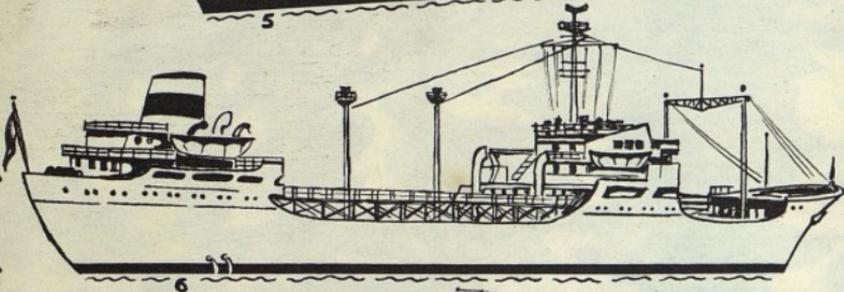
4

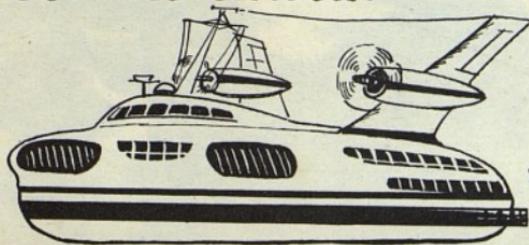
3

5

6

7

Прочти
сигнальные
флажки.
ОТВЕТЬ
НА ВОПРОС.

ЦЕНА 10 КОП.